

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 2 (37)

Март — апрель

Москва, 2012

УДК 008
ББК 71
П71

Редколлегия журнала:

А. Л. Маршак (главный редактор), **В. В. Сергеев** (заместитель главного редактора), **О. Н. Мамонова** (ответственный секретарь), **С. В. Бабакаев**, **В. Н. Ксенофонтов**

Редакция журнала:

В. Г. Донской (заведующий редакцией), **Л. Г. Королева** (литературный редактор), **Ф. Н. Черепанов**

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М. : НИЦ «Академика», 2012. — Вып. № 2 (37). — 112 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 19 февраля 2010 года № 6/6 (уточненная редакция от 22.10.2010).

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

© Московский институт социально-культурных программ, 2012

© НИЦ «Академика», 2012

ISSN 2072-6015

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

- Иванов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор
- Сергеев В. К.** Научный руководитель Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены Совета

- Андреев В. А.** Народный артист СССР, профессор, художественный руководитель Московского драматического театра имени М. Н. Ермоловой
- Андреев Э. М.** Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук
- Вдовиченко Л. Н.** Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ
- Викторов А. Ш.** Доктор социологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, член Творческого союза художников России
- Дмитриев А. В.** Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор
- Запесоцкий А. С.** Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
- Капто А. С.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН
- Кузнецов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, профессор, доктор социологических наук
- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матяя Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия
- Маркович Данило** Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А. Л.	Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, РАЕН, доктор философских наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации, член Союза писателей России
Миронов А. В.	Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации
Нарбут Н. П.	Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
Петрусек Милослав	Доктор философии, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Карлова университета, почётный проректор и декан факультета социальных наук Карлова университета, вице-президент Чешского социологического общества, иностранный член Российской академии социальных наук, Прага, Чехия
Сосунова И. А.	Проректор Академии МНЭПУ, действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
Федоряк Н. А.	Кандидат социологических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
Чупров В. И.	Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

<i>IV КОНГРЕСС СОЦИОЛОГОВ В РОССИИ</i>	7
ГОРШКОВ М. К. Роль социологии в обеспечении диалога между обществом и властью / Role of sociology in providing society and power dialogue	8
<i>ГОД ИСТОРИИ В РОССИИ</i>	
ЦАРИКАЕВА А. М. Теоретико-исторический анализ радикализма в России XVIII–XX вв. / Theoretical and historical analysis of radicalism in Russia in XVIII–XX	18
<i>ТОЧКА ЗРЕНИЯ</i>	
ЗАПЕСОЦКИЙ А. С. Социально-культурная политика российского государства в контексте становления новой социально-экономической формации / Russian socio-cultural policy in the context of establishment of new socio-economic formation	28
<i>ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ</i>	
МАМОНОВА О. Н., СОСУНОВА И. А. Может ли экологическая мораль быть рациональной: к вопросу о социально-экологических доминантах / Can the ecological morality be rational: about socio-ecological dominants	41
<i>КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ</i>	
СЕРГЕЕВА К. В. Социализация современной российской молодежи: от воспитания к самовоспитанию / Socialization of modern Russian youth: from education to self-education	51
<i>СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ</i>	
ХАЛТУРИНА Н. А. Роль и значение художественного образования в социально-политическом и духовно-нравственном развитии российского общества / Role and value of art education in socio-political and spiritually-moral development of Russian society	63

АСПЕКТЫ

АНИСИМОВА С. А.	Культурно-духовные традиции и инновации (политологический аспект) / Cultural-moral traditions and innovations (politological aspect)	72
ЛАГУТЕНКОВА В. А.	Актуальность жанра натюрморта с точки зрения его персонифицирующей функции (на материале 2000-х годов) / Topicality of still-life genre from the point of view of its personifying function (on the materials of 2000-s) ...	82
ОСТАХНОВИЧ В. О.	Сознание как продукт общества / Consciousness as a society product	90
<i>ИССЛЕДОВАНИЯ МИСКП</i>		
МИНЕРАЛОВ В. Ю.	Социально-управленческие механизмы активизации профессиональной деятельности работников учреждений и организаций культуры / Social-administrative mechanisms of activization of professional work of officials in cultural institutions	95
<i>КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ</i>		105

IV КОНГРЕСС СОЦИОЛОГОВ В РОССИИ

2–4 февраля 2012 года проходила работа IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом». Организаторами конгресса выступили Российская академия наук, ряд ведущих научных институтов РАН, Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты, профессиональные сообщества социологов России. На пленарном заседании, проходящем в Колонном зале Дома союзов, были заслушаны доклады ведущих ученых страны: академиков РАН Осипова Г. В., Горшкова М. К., Жукова В. И., Кокошина А. А., Лисицына-Светланова А. Г., Глазьева С. Ю., Степина В. В., Садовниченко В. А., член-корреспондента РАН Запесоцкого А. С., докторов наук Бабурина С. Н., Бородина П. П. и др. С приветственным словом к конгрессу выступила Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко. В рамках конгресса прошла работа 42 секций и 23 «круглых столов», на заседаниях которых выступили ученые и практики по актуальным проблемам системы научного управления обществом. На конгрессе рассматривался основной вопрос о включении социологии в систему научного управления обществом. Обоснованию и решению этой поставленной временем гуманитарной задачи были посвящены основные доклады на пленарном заседании конгресса и работы секций и «круглых столов».

Далее приводится текст доклада академика РАН М. К. Горшкова на пленарном заседании конгресса.

*ГОРШКОВ Михаил Константинович,
академик РАН, доктор философских наук,
лауреат Государственной премии,
директор, Институт социологии РАН
director@isras.ru*

Роль социологии в обеспечении диалога между обществом и властью / Role of sociology in providing society and power dialogue

Процветание современных динамичных сообществ в значительной степени зависит от эффективного социального управления, достижение которого невозможно без знания реального положения дел в обществе, без всестороннего понимания происходящих в нем процессов. Отсюда — возрастающая потребность современного мира в социологическом знании, в социально значимой информации, в вырабатываемых социологией подходах к анализу социальной реальности. В подходах, которые отцы-основатели нашей науки изначально мыслили в позитивном духе, предлагая обобщать и систематизировать, подчинять воображение наблюдению, дабы противостоять как грубым идеологическим построениям, так и утопическим фантазиям.

Следуя их советам, надобно признать: анализ моделей социального управления, мировой опыт и практики российских трансформаций убедительно свидетельствуют, что основу системы общественных отношений и взаимосвязей, образующих ткань современного социума, составляет свод объективных по характеру и незыблемых по структуре правил. Многие из их числа проверены временем, а посему даже у самых заядлых любителей сомневаться в очевидном не возникает и тени сомнения в том, что они нуждаются в каких-либо доказательствах и проверках. Наличие подобных, по сути дела аксиоматических, положений позволяет говорить о су-

ществовании социологических аксиом, во всяком случае, таких аксиом, которые определяют роль и место социологической науки в системе научного управления обществом, предусматривают принципы и нормы взаимодействия социологии с обществом и властью.

Рискнем сформулировать восемь подобного рода аксиом, которые согласно классической трактовке, как и все иные аксиоматические утверждения, не нуждаются в доказательствах. Более того, сами являются фундаментальным основанием для дальнейшей разработки новых научных положений.

Итак, аксиома первая. Основным условием общественной реформы служит реформа интеллектуальная, социологически обеспеченная. Случайности революций и трансформаций или насильственные преобразования не обеспечивают качественной перестройки общества, истинного обновления общественного сознания.

Следует признать, что в обществе трансформирующемся, переживающемся кризис, содержание данной аксиомы приобретает особую актуальность. Принимает она и выраженную очевидность, поскольку в условиях пореформенной России актуальными задачами развития социума становятся расширение и углубление практик использования результатов социологических исследований. Это особенно важно при выработке основ целенаправленной, действенной государственной политики и создании эффективных моделей социально ориентированного управления.

Перейдем далее к аксиоме второй. Ее можно сформулировать следующим образом. В постоянно меняющемся современном обществе социолог все в большей степени превращается в эксперта, участвующего в оценке и прогнозировании возможных социальных результатов политико-управленческих решений, в экспертизе законопроектов, призванных регулировать социогуманитарные процессы на основе учета национального менталитета россиян и тенденций общекультурного развития мирового сообщества.

В известной мере социолог-эксперт наследует миссию философов, поэтов и политических мыслителей прошлого, нередко стремившихся (подобно Платону или Макиавелли) играть роль «советника государя».

Особое значение приобретает в современных условиях социогуманитарная экспертиза, реализуемая методами социологической науки и обращенная к той сфере жизнедеятельности общества, которая затрагивает интересы всех или, по крайней мере, большинства населения.

На словах необходимость социологической экспертизы признает наиболее просвещенная и вдумчивая часть российского истеблишмента. Однако дальше признания ее важности дело, как правило, не идет. Думается, что социогуманитарную экспертизу пока нельзя считать сложившейся практикой ни с точки зрения ее потребителей, ни с точки зрения задействования социологов-экспертов. Видимо, назрела практически-политическая необходимость в принятии специального законоположения, *обязывающего (!)* органы власти проводить предварительную социологическую экспертизу в процессе разработки и принятия ключевых для жизни общества управленческих решений.

Вместе с тем надо признать, что социологическое знание таит в себе не только потенциальную общественную результативность, но и определенные опасности. Ведь сама социологическая экспертиза является сегодня мощным оружием, которое, оказавшись в тех или иных руках, может быть направлено в любую сторону и использовано для совершенно разных целей. С его помощью можно выигрывать, а можно и проигрывать выборы, поддерживать или, наоборот, подавлять свободу, в одном случае предсказывать успех, а в другом — неудачу реформ, манипулировать общественным мнением или, наоборот, разоблачать и пресекать такие манипуляции.

Специфика социологии заключается в том, что от стратегии исследователя во многом зависят выбираемые им объекты и предметы анализа, задействованные методики. Можно найти среди них те, которые действительно помогают «определять» и «понимать» социальный мир с целью его дальнейшего научного познания. А можно и наоборот, использовать технологии, ставящие социологию на службу «управления существующим порядком». И речь здесь идет уже не о профессиональной социологии, а о социологии прагматически-политической, призванной оправдывать или поддерживать любые действия властей.

Изучая сложнейшие явления социальной жизни, социолог продуцирует средства влияния на состояние и динамику массового сознания, инструменты формирования социальных установок, суждений и оценок. И здесь, естественно, возникает вопрос: кем и в чьих интересах используются эти ресурсы?

Полагаем, в данном контексте уместно будет вспомнить рассуждения К. Поппера, явившего миру блистательный образец социологической ответственности и гражданственности: «...нужно работать, —

замечал он, — для устранения конкретного зла, а не для воплощения абстрактного добра... Мечты о прекрасном мире не должны отвлекать вас от помощи людям, которые страдают здесь и сейчас. В вашей помощи нуждаются окружающие вас люди, ни одним поколением нельзя жертвовать во имя будущих поколений, во имя идеального счастья, которое может никогда не наступить».

Аксиома третья. Социологическая наука не может быть ни апологетической, ни оппозиционной: она призвана в ответ на оценки, полученные вне науки, давать научно обоснованную картину существующей реальности, которая является результатом деятельности вполне определенных властных структур, ответственных перед народом за социально-экономические последствия своих политико-управленческих решений.

Оценивая происходившее в 60–80-е годы прошлого столетия, приходится констатировать, что апологетическая роль социологии того периода поддерживалась и одобрялась властными структурами, а научно обоснованная критика того или иного выдвинутого политического курса практически не принималась.

Думается, что подобное отношение к социологии и сегодня во многом определяется практикой обращения с ней в советское время, когда власти проводили политику удержания социологического сообщества в неких идеологических рамках. Как только социолог попадал в категорию «неуправляемых», его исследования табуировались, а сам он становился персоной, подлежащей внимательному наблюдению и контролю со стороны властей. Как тут не вспомнить высказывание Сен-Симона, который еще в начале XIX века, весьма прозорливо рассуждая об особой, но, увы, непростой роли ученых-обществоведов в социуме нового типа, писал: «...в обмен за милость чуждая науке власть требует от ученого, приниженного до роли просителя, полного политического и морального рабства; ему приходится выбирать между своей любовью к науке, т. е. к прогрессу человеческого разума, и любовью к самому себе».

Вместе с тем нельзя не признать, что более осторожная (рациональная?) тактика «управляемых» исследователей приводила в ряде случаев к результатам социально-практического свойства. Господствовавшая в СССР командно-административная система имела то преимущество, что ученый-социолог мог выступать прямым инициатором организованного социального действия. Рекомендации

социологов партийным органам находили, например, отражение в области социальной политики движения рабочей силы (исследования текучести рабочих кадров), в государственных новациях относительно высшего образования (отмена ценза для лиц, не имеющих производственного стажа), в градостроительном планировании и решении целого ряда других острых социальных проблем.

Перейдем к следующей аксиоме.

Аксиома четвертая. Будучи наукой об обществе, социология неизбежно испытывает на себе влияние окружающей социальной среды, властных институтов. А это означает — какое общество, такая и власть, какая власть, такая и социология, ее роль в системе социального управления.

Бесспорная актуальность социологической проблематики нередко порождает сегодня своеобразное потребительское и достаточно упрощенное отношение к социологии. Подчас полагают, что для получения эффективного результата социологу достаточно лишь использовать известные методики, «автоматически» приносящие успех любым его начинаниям. На самом деле, это глубокое заблуждение, ведущее к дискредитации в обществе социологической науки как таковой.

Если в прежние перестроечные и постперестроечные годы значимость социологического знания не ставилась под сомнение, и речь шла лишь о том, как лучше его осваивать и развивать, то сейчас мы нередко сталкиваемся с нигилизмом по отношению к социологии в целом. Так, лейтмотивом выступлений ряда политических деятелей и журналистов, не представляющих специфику последней, становится идея о том, что отечественная социология оказалась наукой неэффективной, не применимой к российским реалиям, требующим особых подходов и методов анализа. Фактически же подразумевается, что она якобы не смогла стать научным ориентиром реформирования России, а посему несет непосредственную ответственность за кризисное состояние российского общества.

Что сказать на это? С одной стороны, нигилизм по отношению к перспективам дальнейшего развития научной социологии в России чаще всего высказывают именно те, кто не использует полноценные социологические данные в социальной, политической, государственной и бизнес сферах, предпочитая в лучшем случае «украшать» свои решения социологическим декором, создавая видимость модной

научности при отсутствии внутренней системности в анализе реального положения дел.

С другой стороны, нельзя отрицать и того, что научная социология оказалась «избыточной» для целей реформирования общества, с очевидностью предпочитающего опираться на «простые решения», чаще всего продиктованные прагматической целесообразностью текущего момента, но отнюдь не сложным анализом многофакторных «ситуаций». К чему это ведет? А к тому, что создается впечатление, что профессиональная социология с ее сложным комплексным характером и явной критичностью по отношению к властным и корпоративным решениям становится лишней на «празднике жизни», где господствуют иные мотивы и иные персонажи.

Аксиома пятая. Эффективность органов власти повышается в том случае, если их деятельность обеспечивается конструктивной, научно обоснованной программой управления общественными процессами, программой, предусматривающей систематическую, плановую апелляцию власти к социологии. В идеале — апелляция власти к социологии должна быть обязательной всякий раз, когда речь идет о принятии законов общего действия, затрагивающих интересы общества в целом (или, по крайней мере, общественного большинства). Однако в современной России сформировались и действуют особые механизмы принятия стратегических социальных решений. К числу базовых характеристик этих механизмов относятся: закрытость, отсутствие обратной связи с населением, игнорирование результатов социологических исследований, а нередко и воспрепятствование их обнародованию в массмедиа.

Одна из причин сложившейся ситуации заключается в том, что радикальное изменение устройства пореформенного российского общества не повлекло за собой столь же принципиальной трансформации организационных структур, механизмов и практик функционирования органов государственного управления. Как и прежде, вопреки декларативным целям «административных реформ» наши сограждане наталкиваются на непомерный рост численности бюрократического аппарата, чрезвычайно высокий уровень дифференциации и формализации его деятельности, инерционность, консерватизм, слабую чувствительность к динамичным и противоречивым процессам современной жизни и т. п. Вместо личной ответственности господствуют анонимность и изощренно запутанный механизм «прохождения» любого, даже самого простого вопроса.

Разумеется, подобная модель принятия решений не приемлет профессиональную социологию. А ведь по логике вещей социологический анализ должен стать необходимым сопровождением разработки и реализации, по крайней мере, социально ориентированных государственных программ.

В развитых демократических странах с укрепившимися институтами гражданского общества любые действия властей подвергаются реальному и тщательному социальному контролю. Так, в Норвегии правительство совместно с профсоюзами проводит ежегодный массовый опрос, цель которого состоит в анализе динамики уровня жизни населения страны. При этом специально обученные интервьюеры посещают семьи и задают вопросы, не только затрагивающие чисто бытовые аспекты их бытия, но и направленные на оценку эффективности деятельности различных органов власти. Тем самым выявляются потенциальные очаги социальной напряженности и предпринимаются меры для их устранения.

К сожалению, в России ничего подобного не происходит: здесь сложилась иная система взаимоотношений социологии, власти и общества. Большинство социологов либо «заперто» в университетах, где им уготована роль интеллектуальных репетиторов подрастающего поколения и проводников «общего» образования на все случаи жизни, либо подвизается в качестве технических экспертов в маркетинге и рекламе. Серьезно подточило авторитет российской социологии и широкомасштабное участие социологов в избирательных кампаниях самого различного уровня, в ходе которых они нередко принимали участие в так называемом черном PR и теневых избирательных технологиях.

Аксиома шестая. Для того чтобы встроиться в структуру политико-управленческих решений, стать неотъемлемым механизмом научного сопровождения их практической реализации, социология должна уметь работать с властью: не пугать ее своими оценками и выводами, но последовательно и доказательно убеждать управленческие органы в полезности социологического участия в делах государственных.

Формулируя данную аксиому, признаемся: проблемы российской социологии не так просты, как может показаться на первый взгляд. Их корни кроются в низком уровне отечественной социологической культуры, подразумевающей определенное дистанцирование институтов гражданского общества от структур власти.

Симптомами этого недуга можно считать следующие черты деятельности отечественных социологов, все отчетливее проявляющие себя в последнее время:

- социологический сервиллизм: в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи чаще всего исполняют губернаторские, обслуживающие функции. Данная схема взаимодействия сводится к следующему правилу: если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, он вынужден выслушивать упреки в бессмысленности своих изысканий. Таким образом, его задача сводится не к выявлению и пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властей предержащих;

- доминирование в социологической науке таких тем, которые связаны с оправданием сложившегося в России социального уклада. Довольно редко в поле зрения отечественной социологической науки попадают темы, касающиеся повседневной жизни и трудовой деятельности широких масс населения страны; вопросы, связанные с изучением природы социального неравенства, истории и последствий приватизации в России; исследования в области причин региональных различий, криминализации общества и роста коррупции, отчуждения человека, произвола правящих элит бюрократии и породившейся российской буржуазии.

Далее об аксиоме седьмой. Ее можно представить так: для того чтобы власть с научно-практической выгодой для себя и с пользой для общества могла регулярно использовать возможности социологической науки, властные структуры в свою очередь должны уметь работать с ней, выстраивая отношения с социологией на принципах партнерства, уважения и толерантности.

Опыт прошедших лет убеждает в том, что социология является одним из языков власти, а потому неотделима от политического процесса. Случалось так, что она выступала служанкой власти. Но никогда не было и не будет, чтобы власть становилась служанкой социологии.

Что это означает? Означает следующее: социология помогает власти осуществлять властные функции, повышать культуру и эффективность государственного управления. Власть же в свою очередь через различные формы государственной поддержки обеспечивает социологам свободу научного творчества, использует результаты социологической деятельности для более адекватного выражения

в своей политике общенациональных интересов, исходит из них при выборе стратегии развития страны.

Выстраивание оптимальных отношений социологии с властью предполагает регулярный диалог социологической науки с обществом. Обеспечение подобного диалога возможно лишь путем развития социократии, понимаемой, с легкой руки американского социолога У. Франка, как власть всего общества над своей судьбой, налаживание научного контроля над социальными силами посредством коллективного разума социума и неизбежного при этом превращения социологии в открытую и публичную науку. Науку, «не проклинующую» и «не хвалящую» социальные факты, а изучающую их, не «приземляющую» уровень понимания социальных проблем, но вдумчиво и обстоятельно разговаривающую с обществом на понятном для него языке.

Отсюда аксиома восьмая. Социология не может быть только знанием экспертов, предназначенным исключительно для экспертов: ее достижения должны быть доступны обществу. Являясь наукой об обществе, социология в своем публичном выражении оказывается наукой для общества.

Результаты проводимых ИС РАН исследований со всей очевидностью говорят о том, что граждане современной России далеко не всегда доверяют политическим декларациям. Социологам сегодня веры больше, хотя бы потому, что они оперируют цифрами, полученными на основе анализа реальной жизни, а не лозунгами, домыслами и несбыточными обещаниями. Профессиональная публичная социология называет вещи своими именами и имеет полное право именоваться «социологией реальности». А потому она и становится тем зеркалом, в которое общество привыкает смотреться каждый день, то радуясь, а то удручаясь своему отражению. Надо признать, что из новых повседневных привычек россиян эта — далеко не самая худшая.

Что такое публичная социология? Прежде всего это социология открытая, лишенная грифа «ДСП» и доступная через массмедиа широкой общественности, различным слоям населения, словом, всем, кто испытывает желание сверять свое собственное мнение по какому-либо важному вопросу с мнением общества и «видеть» себя в составе гражданского большинства или меньшинства.

Обычно противники публичной социологии используют следующий аргумент: природа человеческого сознания такова, что оно все-

гда стремится найти «точку опоры», в роли которой чаще всего выступает позиция большинства. А это значит, что, пропагандистски «накачивая» с помощью социологических данных «большой пузырь» общественного мнения, можно управлять развитием и выражением массового сознания и массового поведения в нужном (для соответствующего заказчика) направлении.

В принципе, верно, но с одной очень важной оговоркой — в данном случае имеется в виду публичная манипулятивная социология. Речь же идет о публичной профессиональной, научно выверенной и политически честной социологической науке — той, что нередко раскрывает людям глаза на окружающий мир, позволяет с помощью общенациональных, региональных и групповых оценок и суждений его лучше познавать, увереннее в нем ориентироваться.

Мы приходим в заключение к общему выводу: публичная социология — суть реализация общественной роли социологической науки, доступность ее информации широким слоям населения, демонстрация ее значимости и полезности, возможность использования полученных ею результатов в процессе управления на всех уровнях организации и жизнедеятельности государства и общества.

ГОД ИСТОРИИ В РОССИИ

*ЦАРИКАЕВА Алина Магометовна,
аспирант, кафедра философских
и социально-политических дисциплин,
Московский государственный
гуманитарный университет
им. М. А. Шолохова
alika10@mail.ru*

Теоретико-исторический анализ радикализма в России XVIII–XX вв. / Theoretical and historical analysis of radicalism in Russia in XVIII–XX

Аннотация

В статье анализируются история зарождения радикализма в России, особенности и этапы становления радикальных течений; описываются факторы, оказывающие влияние на формирование русского радикализма, а также роль и значение радикализма в политической и социокультурной жизни общества.

Ключевые слова

Радикализм; экстремизм; история русского радикализма.

Annotation

In this article the history of radicalism in Russia is analyzed. Peculiarities, stages and factors, influenced to the radical movements are presented. Besides that, the role and meaning of radicalism in political and socio-cultural life in Russian society are considered.

Keywords

Radicalism; extremism; history of Russian radicalism.

Термин «радикализм» впервые был употреблен в России М. Н. Катковым в 1840 г. в журнале «Отечественные записки». В российской

политической литературе радикализм был синонимом нигилизма, анархизма, бунтарства, «русской вольницы».¹ Катков был противником и критиком не только российского радикализма (особенно после убийства Александра II в 1881 г.), но и любых проявлений либерализма в общественной и политической жизни.

В отечественной историографии признается уникальность французских радикалов и отмечается, что «нигде за пределами этой страны не было аналогичной партии»².

Оригинальных взглядов на природу русского радикализма и терроризма придерживался ряд российских мыслителей дореволюционного периода: Н. Бердяев, И. Ильин, В. Ключевский, Г. Федотов, Л. Франк и др.

Так, Н. Бердяев считал, что перед Россией стоит задача социального устройства, а не социальной революции. Социальная же революция в России может быть лишь социальным расстройством, лишь анархизацией народного хозяйства, ухудшающей материальное положение рабочих и крестьян.³ Он говорит об особенностях русского народа и о влиянии этих особенностей на русскую революцию.

Объяснение якобы присущего русским людям радикализма строится на нескольких факторах, один из которых географический. Этому фактору придавали большое значение такие мыслители, как Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, А. Я. Чаадаев. «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия, это — факт географический»⁴.

Другой фактор — генетический — связан с первым, поскольку врожденные предпочтения обуславливаются длительным пребыванием

¹ Матюхин А. В. Политический радикализм в России : учебное пособие. М. : Народный учитель, 2003. С. 1.

² Гурвич С. Н. Образование республиканской партии радикалов и радикал-социалистов // Французский ежегодник. 1971. М., 1973. С. 138.

³ Николай Бердяев. О политической и социальной революции // Русская свобода. — 1917. — № 4. — 29 апреля.

⁴ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. 1837. http://www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev_apologia.html

предков в определенной природной и общественной среде. К сторонникам этого фактора относят зарубежных физиологов, социологов и психологов Ч. Ломброзо, К. Лоренца, Д. Армстронга.

Особое место в истории русского радикализма занимает виднейший идеолог народничества П. Л. Лавров. Будучи убежденным революционером и социалистом, выражая объективно тенденцию, заложенную шестидесятниками, Лавров представлял как бы наиболее «цивилизованное» направление в русской революционности. Вся представленная им программа являлась долговременной, многосторонней программой — от просвещения народных масс до активных действий революционеров, направленных на коренное социальное переустройство общества.¹

В российской политической науке выделяются два основных подхода к определению крайних проявлений политической борьбы: разделение понятий «радикализм» и «экстремизм» как двух разных явлений и восприятие их как неразрывно связанных. К представителям первого подхода можно отнести политологов К. С. Гаджиева, Г. Г. Почепцова, Д. В. Ольшанского. Последний, к примеру, полагает, что понятием «радикализм» определяются «социально-политические идеи и действия, направленные на наиболее кардинальное, решительное изменение существующих социальных и политических институтов, разрыв с уже признанной, существующей традицией, ее капитальное изменение». При этом те, кого в соответствии с таким подходом можно определить как «радикалов», в отличие от «экстремистов», в своей политической деятельности фиксируются прежде всего на содержательной стороне тех или иных идей, и только во вторую очередь определяют методы реализации этих идей в политическом процессе.

Д. В. Ольшанский считает, что о радикализме справедливо говорить «применительно» к крайне ориентированным группам, оценивая именно идейную направленность и степень выраженности ее стремлений. В основе радикализма лежит, во-первых, негативное отношение к сложившейся социально-политической действительности, а во-вторых, признание одного из возможных способов выхода из реальной ситуации как единственно возможного.² Д. В. Ольшан-

¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е. Л. Рудницкой. М. : Археографический центр, 1997. С. 19.

² Ольшанский Д. В. Психология террора. Екатеринбург : Деловая книга; М. : Академический проект, ОППЛ, 2002. С. 216.

ский поясняет, что радикализм может быть исключительно идейным, но не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным, но не всегда идейным. Об экстремизме говорят, оценивая степень крайности именно методов реализации, претворения в жизнь крайних стремлений, а не их наличие и радикальность. Экстремизм выглядит резче и категоричнее радикализма. Его сторонники, обычно втайне, используют нетрадиционные для парламентского стиля политической борьбы методы, включая провоцирование и участие в вооруженных столкновениях.

Представителями второго подхода в политологии, которому свойственно восприятие экстремизма и радикализма как неразрывно связанных явлений, можно назвать исследования А. М. Верховского. Он рассматривает политический радикализм не как вышеупомянутые авторы — исходя из радикальности требований, а в смысле радикальности средств. А. М. Верховский полагает, что вопрос о радикальности средств всегда спорный и, воспринимая некие действия «радикальными», нужно исходить из того, что «радикальными в сугубо негативном смысле этого слова являются средства (действия), противоречащие действующему законодательству. Что формально разделения между радикализмом и экстремизмом ни в праве, ни даже в обычной речи не существует. Показательно, что в законодательстве РФ при определении понятий «радикализм» и «экстремизм» используется схожий принцип (Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»).

История России богата радикальными изменениями. Уже в период зарождения нашего государства киевский князь Владимир осуществил реформы верований славян, направленные на введение монотеизма как способа укрепления личной власти самого правителя, заключавшиеся вначале в смене политеистического пантеона славянских богов на культ верховного бога. Этот радикальный шаг князя Владимира привел к изменению отношений с самым богатым европейским государством того времени — Византией. Была использована византийская модель правления и культуры, религиозно-идеологического закрепления государственности.

Проявлениями радикализма в российской истории можно считать изменения времени татаро-монгольского нашествия и становление Московского государства при Иване III и Иване IV, заключавшиеся в сокрушении удельных княжеств и централизации власти, ограничении привилегий боярства и возвышении дворянства (сословная монархия сменялась абсолютной). А коренные преобразования

Петра Великого и Екатерины II, имевшие характер догоняющей (по отношению к ряду передовых стран Европы) модернизации, не только придвинули Россию к Европе, но и породили глубокие национальные проблемы социального и идеологического характера. Выражением одних стал глубокий разрыв, образовавшийся между верхами общества, дворянством, вследствие приобщения их к европейской культуре, и массой народа, крестьянства прежде всего. Выражением других, связанным с этим разрывом, стало появление интеллигенции, которой было суждено сыграть огромную роль в русской истории. Реформы Петра I получили неоднозначную оценку историков, в том числе и его современников. Восприняв европейский военный, административный и технологический опыт и стиль жизни, царь усилил абсолютистские и крепостнические тенденции. Реформы Петра III, Екатерины I, Павла I несколько смягчили их.

В России конца XVIII — первой половины XIX в. отчетливо выделяются два лагеря идейных и общественных направлений — консервативный и либерально-радикальный. В каждом из них были свои существенно отличные внутренние течения. Различия между этими течениями были связаны с решением вопроса о том, как сохранить старое или как перейти от старой системы социально-экономических отношений к новой системе, т. е. каковы должны были быть содержание преобразований и методы их проведения.

К середине XIX в. кризис феодально-крепостнической системы в России достиг своей кульминационной стадии. Суть этого кризиса состояла в том, что возможности социально-экономического прогресса на базе крепостнических отношений были исчерпаны. Это проявлялось в застое и даже снижении уровня сельскохозяйственного производства, ухудшении состояния крестьянского и помещичьего хозяйства и положения крестьян. С другой стороны, ограничивалось и сковывалось прогрессирующее развитие народного хозяйства на основе товарного производства и буржуазных отношений. Таким образом, отчетливо проявлялась объективная социально-экономическая потребность ликвидации крепостнических отношений.

Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. стало результатом отступления самодержавия с пути Просвещения и вместе с тем положило начало никогда больше не исчезавшему противостоянию интеллигенции и власти. Удар, нанесенный французскому Просвещению революционным опытом Франции, преломился в России, стал детонатором складывания русского политического радикализма.

Лидерами революционно-демократического направления в период подготовки и отмены крепостного права были А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. Герцен был основоположником особой модели социализма для России, «русского крестьянского социализма». Ошибочно полагая, что революция на Западе будет революцией социалистической, Герцен из поражения революции 1848 г. сделал вывод об отсутствии на Западе сил, способных совершить социалистический переворот, потерял веру в революционные возможности европейского пролетариата. Сравнивая Россию с Западом, он пришел к выводу о том, что Россия может прийти к социализму, минуя путь Запада, т. е. путь капитализма. Залог этого он видел в праве каждого на землю, в общинном владении ею и в мирском самоуправлении. «На этих началах, — писал он, — и только на них может развиваться будущая Русь».¹ На преодоление сопротивления противников ликвидации крепостничества и были направлены основные усилия Герцена, Чернышевского и других радикалов в период подготовки крестьянской реформы.

Реформы Александра II вывели страну на рубеж конституционной монархии. Частично реализованные проекты С. Ю. Витте и П. А. Столыпина на рубеже XIX–XX вв. существенно не меняли характер строя, поэтому возникали планы более быстрого движения к республике — путем революции. Большинство населения еще не исповедовало идей радикального меньшинства, для осуществления радикального проекта требовался захват власти, который в условиях абсолютной монархии осуществлялся вооруженным путем (так происходило в Англии XVII в., во Франции XVIII в., Германии и Австро-Венгрии XX в.) Но захват власти считать революцией еще нельзя, только характер последующих преобразований дает такую возможность. Так, можно говорить о революции 1905 г. в России как о шаге к конституционной монархии, которая не ликвидировала, а только смягчила диспропорции социально-экономического и общественного развития в России. Не был решен основной вопрос революции — крестьянский. Все это послужило мощной социально-исторической предпосылкой, усилившей радикализацию общественного сознания русского населения. Социальное напряжение, вызвавшее первую русскую революцию, не было полностью разрешено, что определило предпосылки

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Т. X. Пг., 1917. С. 120.

для последующего революционного выступления 1917 г., а Мировая война приблизила революционное свержение самодержавия. Октябрьский переворот 1917 г. стал вершиной большевистского радикализма и сопровождался становлением новых форм государственной власти.

Русский радикализм во всех своих модификациях в силу эсхатологического восприятия социализма как конечной цели истории, исходя из возможности его волевого приближения, был укоренен на идее революции, единственно возможном способе скорейшего достижения социального благополучия.

Даже в условиях осуществления советской власти есть периоды радикальных перемен: переход от политики военного коммунизма к НЭПу (к новой экономической политике, осуществлявшейся по предложению В. И. Ленина), от НЭПа к модернизации, начатой правившей компартией во главе с И. В. Сталиным. Одним из оснований модернизации был социальный протест участников революции и гражданской войны против искажения НЭПом марксистского радикального проекта.

Существенные радикальные изменения происходили в нашей стране в 1960-е гг., в период хрущевской «оттепели», и в 1986–1991 гг., в период горбачевской перестройки, когда демократизация привела не только к крушению социализма, но и к сепаратизму и национализму (латентные следствия демократизации), которые стали причинами распада Советского Союза.

Смена политических элит уже в 1992 году привела к существенным переменам в экономике: либерализации цен, первому шагу к рыночным отношениям и одновременно к обвальной, невиданной инфляции. Затем уже последовала приватизация, создавшая основу социального расслоения.¹

Таким образом, социально-историческое развитие России во второй половине XIX — начале XX в. характеризовалось неустойчивостью.

XX столетие пришло в Россию под знаком политического радикализма и радикальных идеологий в различных вариациях. В советской политической литературе радикализм часто идеализировался. Это касалось марксистской, ленинской и сталинской теории и практики преобразования общества на социалистических началах. Самим же определением «политический радикализм» в советский период обо-

¹ Лопушанский И. Н. Радикализм: теория и практика : учебное пособие. СПб. : ЮИ (Ф) АГП РФ, 2009. С. 3–6.

значался не коммунизм и большевизм, которые изначально соотносились с категорией «пролетарская революция», а немарксистские идейно-политические течения крайне правого и крайне левого толка. Значительно обострилась международная обстановка. Россия стремилась проводить сбалансированную, реалистичную внешнюю политику без ущерба собственным национальным интересам. Военные конфликты расшатывали все привычные формы русского сознания и русской государственности. Именно они способствовали вынужденному переселению народа с традиционных мест проживания и сделали его более доступным революционным влияниям, главным же образом, изменили традиционный дух и настроение армии. Вступление России в Первую мировую войну поставило страну на грань катастрофы. Чрезвычайность военной ситуации провоцировала на насильственные меры как правящие классы, так и противостоявших ей политиков-радикалов.

Под влиянием социально-исторических условий в общественное сознание проникали идеи, определяющие его характеристики как «разлом», «катастрофичность». Общим знаменателем мировоззренческих взглядов значительной части российского общества было определение своей эпохи как пограничной, переходной, когда безвозвратно уходило в прошлое не только прежние формы быта, труда, политической организации общества, но и сама система духовных ценностей требовала радикального пересмотра. Жизненная среда, обстоятельства существования, обладавшие страшной силой инерции и сопротивления, интерпретировались как лишённые стабильности и подвластные социально направленной воле человека.

В последние десятилетия XX века радикализм стал базой для фундаменталистских исламских политических сил. В конце XX — начале XXI в. большинство развитых стран мира объявили борьбу с политическим экстремизмом и терроризмом одним из приоритетов национальной безопасности. Наряду с активизацией международного терроризма во многих государствах продолжают действовать внутренние радикальные политические силы, пользующиеся или угрожающие использованием насилия. В условиях информационной революции радикальные группы получили возможность более масштабно и независимо распространять свои взгляды среди населения, тем самым в отдельных случаях эффективно конкурируя с потоками информации, формируемыми властными структурами.

В конце 90-х гг. некоторые российские политологи начинают публиковать первые материалы об опасности роста неонацистских

групп, использующих сетевую организационную структуру и Интернет в качестве основного средства информации и коммуникации. Такие российские ученые, как А. М. Верховский и А. П. Тарасов, считали необходимым более серьезно относиться к указанной опасности. В России явно доминировали тенденции политического радикализма, кровно связанные по своим особенностям и методам с классическим отечественным анархизмом. В современном российском обществе, переживающем последствия распада существовавшей системы, завершается этап переходного состояния. Сложность и неоднозначность прошедшего периода характеризуются противоборством тенденций, определявших направление динамики страны, политического развития. В России радикализм рассматривается как неотъемлемый компонент социально-политической жизни, оказывающий на нее существенное влияние: «Радикализм является важнейшей политико-культурной традицией. Будучи обусловлен историческими, географическими, политическими, социальными, психологическими особенностями развития страны, радикализм и сегодня оказывает воздействие на характер функционирования всех сфер общества, менталитет, чувства, настроения, привычки индивидов и социума, на модели поведения, формы политического участия и взаимодействия россиян. Он проявляется на уровне социальных слоев, элиты и контрэлиты, властвующих и оппозиционных групп, обуславливая осевую линию политического поведения политических лидеров и простых граждан.

Проявление радикальной тенденции в развитии современной России связано в первую очередь с последствиями реформирования общества в духе либерализации и переустройства методами «шоковой терапии». Быстрые, коренные сдвиги в управлении экономикой страны привели к перераспределению собственности, гигантскому социальному расслоению общества, отторжению абсолютно большинства населения России от ее национальных богатств. Общество оказалось не готовым к подобным либеральным преобразованиям. Радикальное реформирование создало предпосылки для глобальных общественных потрясений. Его последствия — поляризация общества, резкий разрыв в уровне жизни большинства граждан страны. Все это находит отражение как в праворадикальных, так и в леворадикальных взглядах и движениях.

Рост социальных противоречий становится плодотворной почвой для развития радикализма не только как совокупности политических сил, характеризующихся приверженностью определенным прак-

тикам, но и как течения в рамках философско-гуманитарного знания, направленного на обоснование данных практик, пространством для реализации которых все чаще становится современная Россия.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в республиках Северного Кавказа стало отмечаться усиление активности исламских радикалов, проповедовавших идеи всеобщей исламизации населения. В Дагестане и Чечне в этот период наблюдался рост числа приверженцев ваххабизма. Они стремились подчинить своему влиянию официальные культовые учреждения, а также противопоставить верующих органам власти. Ими создавались религиозно-политические структуры и вооруженные формирования, налаживались контакты с руководителями экстремистских движений как внутри России, так и за ее пределами. Подобное развитие событий характерно не только для России, но и для стран Центральной Азии, а также других регионов, где получили распространение идеология и практика исламского радикализма.

Одной из важных проблем становился быстро увеличивавшийся объем различной информации в начале XX в., являвшийся, несомненно, определяющим фактором в формировании девиантного поведения подрастающего поколения. Молодежь училась вести себя деструктивно, прежде всего наблюдая за чужой агрессией через СМИ. Негативное влияние СМИ на развитие детей и подростков вызывает справедливые опасения и требует специального изучения.

Библиография

1. Бердяев Н. О политической и социальной революции // Русская свобода. — 1917. — № 4. — 29 апреля.
2. Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Т. X. Пг., 1917.
3. Гурвич С. Н. Образование республиканской партии радикалов и радикал-социалистов // Французский ежегодник. 1971. М., 1973.
4. Лопушанский И. Н. Радикализм: теория и практика : учебное пособие. СПб., 2009.
5. Матюхин А. В. Политический радикализм в России : учебное пособие. М., 2003.
6. Ольшанский Д. В. Психология террора. М., 2002.
7. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1997.
8. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. 1837. http://www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev_apologia.html

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

*ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич,
член-корреспондент РАН,
доктор культурологии, профессор, ректор,
Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов
info@gup.ru*

Социально-культурная политика российского государства в контексте становления новой социально- экономической формации¹ / Russian socio-cultural policy in the context of establishment of new socio-economic formation

Аннотация

В статье рассматривается социально-культурная политика России с позиций становления новой социально-экономической формации.

Ключевые слова

Социально-культурная политика; ультралиберализм; идеология; роль социологии.

Annotation

In the article the issues of Russian socio-cultural policy in the context of establishment of new socio-economic formation are analyzed.

¹ В основу статьи положено выступление автора на пленарном заседании IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом» (Москва, Колонный зал Дома союзов, 2 февраля 2012 г.).

Keywords

Socio-cultural policy; ultra-liberalism; ideology; role of sociology.

Сегодня ведущих российских социологов волнует проблема определения роли и возможностей социологической науки в разработке подходов к управлению как отдельными процессами, сферами жизнедеятельности, так и обществом в целом. Идеальная модель взаимоотношений науки, общества и власти представляется нам следующим образом: социологи исследуют общественное мнение и формулируют запросы общества, власть их выслушивает и выстраивает свою политику сообразно чаяниям людей.

Реальность далека от этого идеала. Кто сегодня возьмется утверждать, что цель власть имущих в России — народное благо? Может быть, цели совсем иные? — Например, вместе с предпринимателями вывезти за рубеж сырья побольше, да еще 100 миллиардов долларов в придачу, как это произошло в 2011 году... В таком случае социология нужна им для обеспечения стабильной работы соответствующих «распределительных» механизмов.

Есть безрадостные примеры взаимодействия социологии, общества и власти. Например, механизм настройки деятельности ведущих федеральных телеканалов страны основан на исследованиях запросов зрителей — пресловутых «рейтингах». Телевизионные боссы утверждают, что этот механизм — зримое воплощение демократии. Дескать, они создают телепродукт, максимально соответствующий интересам общества. Формально, на первый взгляд, это действительно так. Но заметим, что данный механизм способствует развитию пагубного для нашей страны феномена, названного специалистами «понижающей селекцией». Телевидение настраивается на массовые запросы самой невзыскательной части аудитории, создает продукт, ориентированный на низкий вкус («Дом-2», «Комеди клуб» и т. д.). В результате культура в стране падает, массовый телезритель формулирует телевидению еще более низкопробный заказ, и этот цикл повторяется непрерывно.

Теперь социологи выяснили, что в результате 20 лет разрушения отечественной культуры свыше 60% населения считают мат нормой русского языка, а еще большее число наших граждан полагают дачу взятки должностным лицам делом естественным. И что же, теперь законодатель должен пойти навстречу массам населения: под влиянием новых запросов общества, выявленных учеными, разрешить использовать нецензурные выражения и легализовать взятки?

Жизнь задает нам непростые вопросы. Например, недавно на Болотной площади в Москве некоторые известные персоны выступили с обвинениями в адрес главы Правительства РФ В. В. Путина, возлагая на него ответственность за многие проблемы развития современной России. Насколько это правомерно? Сегодня социологическое сообщество задается и многими другими вопросами. Что представляет собой сегодня российское государство, какова его реальная политика, кем и как она разрабатывается, как и кем реализуется? Как эта политика соотносится с потребностями общества и нужна ли нашему государству социология, нужно ли ему научное управление, а если нужно — то в каких целях? Попробуем тезисно затронуть эти вопросы.

Какой капитализм мы строим? — Этот вопрос неоднократно возникал в России за последнее двадцатилетие. Ответа от власти не было, а теперь уже и не надо. И так хорошо видно, что построено. Исследования, проведенные специалистами Российской академии наук — философами, социологами, юристами, экономистами и другими¹, показывают, что в нашей стране снова, второй раз за последние 100 лет реализован уникальный и грандиозный по масштабам социально-экономический эксперимент с катастрофическими результатами. Во второй раз создана небывалая ранее в истории человечества дефективная формация, на этот раз — ультралиберальная. Следует отметить — формация, противоречащая действующей Конституции, по которой Россия должна быть социальным государством.

То, что у нас построено, несложно соотнести с мировой практикой: длящийся несколько веков спор между идеологиями социализма и либерализма протекает в последние десятилетия в русле теории конвергенции². В основе спора — различия между двумя

¹ Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние : науч. и публицист. заметки обществоведов / Науч. ред. О. Т. Богомолов. М. : Ин-т экон. стратегий, 2010; Права человека и правовое социальное государство в России / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Норма, Инфра-М, 2011; Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / Рук. авт. колл. Н. Я. Петраков. М., СПб., 2011; Нереализованный потенциал модернизации / Науч. ред.: О. Т. Богомолов, А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2011.

² When fortune frowned: a Special report on the World economy // The Economist. 2008. 11 oct.: http://www.uni-graz.at/vwlwww_stm_survey_2008.pdf (дата обращения 06.02.2012).

системами ценностей. Как известно, в соответствии с одной из них жизнедеятельность социума регулируется государством, поведение людей подчиняется интересам коллектива, а человек понимается как существо социальное. В основе другой — положения о том, что жизнедеятельность общества регулируется рынком, поведение людей определяется личной выгодой, а человек понимается как существо экономическое. Современные развитые государства соревнуются сегодня в создании механизмов социально-экономической и культурной жизни, эффективно сочетающих преимущества социалистического и либерального подходов.

В этой связи понятно, почему Китай стремится к обогащению социализма рыночными механизмами¹, а в капиталистическом Давосе председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб заявил: «Срочно необходимы глобальные преобразования, а начать надо с возрождения чувства социальной ответственности»². Это и есть торжество идей конвергенции. Характерно, что в 2007 году китайский академик Ли Цзин Цзе, выступая в нашем университете на Лихачевских чтениях, сказал: «России надо избавляться от ошибок левого толка, допущенных во времена СССР, а также правоуклонистских ошибок, сделанных в 1990-х годах». Его доклад имел красноречивое название «Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как «влево», так и «вправо»»³. Это — диагноз ошибок, допущенных в нашей стране.

Следует отметить, что определение российского капитализма как ультралиберальной формации нередко встречает возражения специалистов. Нам говорят: «Нет, у нас — государственный монополистический капитализм. Ведь всем командует государство». Но что собой представляет государство? — Систему властных структур, фактически приватизированных должностными лицами. Использование занимаемых должностей в целях извлечения личной прибыли

¹ Кондрашова Л. И. Какая демократия нужна Китаю? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 316–346.

² Кравченко Е. Мир невыученных уроков // Ведомости. — 2012. — 25 янв. В ст. приводится высказывание Клауса Шваба, с. 1.

³ Цзин Цзе Ли. Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как «влево», так и «вправо» // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 49.

стало в постсоветской России неформальной нормой. Коррупция — родовое свойство этой системы.

Ультралиберальная версия капитализма от либеральной отличается в первую очередь своей идеологией, иерархией ценностей. Формально по Конституции в России сегодня государственной идеологии быть не должно. Статья 13, пункт 2 гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹. Это положение трактуется как норма для чиновников, что на самом деле странно, если вдуматься. В реальности государственная идеология, конечно, существует. В том смысле, что она существует у слоев общества, разрабатывающих и реализующих политику от имени государства. Поскольку идеология — это определенным образом систематизированная совокупность идей, система представлений о мире, заключающая в себе творческий потенциал и получающая воплощение в конкретных проектах и действиях. Речь идет, разумеется, о социально значимых идеях. Без идеологии в этом смысле государство существовать не может.²

Мы хорошо знаем, что в ходе многовекового общественного развития сложилась практика, при которой различные слои общества оформляют свои интересы в виде соответствующих идеологий и на идеологической основе формируют политические партии. В конкуренции идеологий те или иные партии побеждают и приходят к власти, осуществляя в дальнейшем соответствующую своей идеологии политику от имени государства, имея на то «мандат» от большинства членов общества.

В современной России создана уникальная ситуация: реально существующая с момента прихода к власти господина Гайдара государственная идеология является неформальной. Она исповедуется госаппаратом, но не провозглашена официально, поскольку противоречит Конституции, не получала и в принципе не может получить поддержки общества, на ее основе не может быть создана массовая партия, такая партия не может победить на выборах и т. д. В основе этой идеологии лежит идея денег как ведущей, главной ценности в

¹ Конституция Российской Федерации. М. : Юридическая литература, 2011.

² Баталов Э. Я. Движущая сила идей // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 62–103.

жизни человека, денег как меры вещей и меры человека, идея выгоды как единственной движущей силы общественного развития.¹

При таком взгляде на вещи все остальные ценности, выстраданные человечеством за тысячелетия его развития, теряют смысл: труд, честность, патриотизм, уважение к старшим, любовь, дружба, служение закону — все это может быть только предано осмеянию и глумлению. Поруганию предаются и такие либеральные ценности, как демократия, свобода слова, равенство перед законом, уважение к личности, право частной собственности. Прямыми производными от этой идеологии являются: тотальная экономическая неэффективность, судебный произвол, коррупция, аномия и социальная дезорганизация, практически всесторонняя деградация социума, разрушение нашего главного национального богатства — великой российской культуры.

Государственная политика последнего 20-летия не поддается анализу традиционными методами, потому что сегодняшнее российское чиновничество имеет две политики: одну — вырабатываемую высшими должностными лицами государства и декларируемую госаппаратом, другую — реально осуществляемую. Трансформация одной в другую происходит, судя по всему, вопреки воле первых лиц государства. В итоге декларируемая политика оказывается предназначенной для успокоения общества, для поддержания иллюзии деятельности на благо страны, ориентирована на клиповое сознание населения и представляет собой по существу набор PR-программ. Другая политика нацелена на освоение государственных ресурсов с использованием властной вертикали и неформальных распределительных механизмов, отработанных в последние годы.

Абсолютизация всемогущества денег и всемогущества рынка разъедает все без исключения социальные институты общества как раковая опухоль. Взрывающиеся шахты и разрушающиеся гидроэлектростанции, падающие самолеты и отказывающиеся работать спутники — не столько симптомы изношенности техники, сколько свидетельство катастрофического кризиса социальной инфраструктуры, перерождения важнейших социальных институтов под влиянием ущербной, ультралиберальной идеологии.

¹ Запесоцкий А. С. В калошах Ельцина, под зонтиком Гайдара // Санкт-Петербургские ведомости. — 2009. — 26 окт.; Гайдар умер, но дело его живет и побеждает // МК. — 2010. — 10 февр.; Тупик № 2. Незнайка как новый символ России // ПОИСК. — 2010. — 19 марта.

Реализуя ультралиберальные воззрения, органы госуправления пытаются перевести на рыночные рельсы и те социальные институты, которые вообще не предназначены для инкорпорирования рыночных механизмов. Но способна ли потная «рука рынка» отрегулировать работу прокуратуры, судебной системы, полиции, деятельность вооруженных сил? Не поддается переходу на вульгарные рыночные рельсы отечественная наука. Деградируют под воздействием предпринимательских подходов литература и искусство. Коммерциализация разрушает сферу СМИ.¹ Вертикаль власти усиленно навязывает школе и вузу в корне порочное понимание образования как платной услуги, хотя хорошо известно, что это — совместная деятельность педагога и ученика, профессора и студента и т. д.² Мы видим, что, не выдержав испытания практикой, ультралиберализм оказывается на деле даже менее эффективен, чем казарменный социализм минувшей эпохи.

Неслучайно и настоящие либералы сегодня уже чувствуют фундаментальные отличия отечественного ультралиберализма от традиционного либерализма. Например, в юридической среде развернулась дискуссия: можно ли адвокатскую деятельность отнести к предпринимательской? И виднейший, образованнейший российский либерал, правозащитник Генри Резник вдруг заявляет адвокатам: «Ваша задача конституционного значения — оказывать квалифицированную помощь, извлечение дохода служит этой задаче. Не наоборот!»³ То есть есть в жизни вещи важнее прибыли.

¹ Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры : науч. докл. 6 окт. 2009 г. СПб., 2009; Влияние СМИ на молодежь как проблема отечественной педагогики // Педагогика. — 2010. — № 2; Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Социол. исслед. — 2010. — № 7.

² Запесоцкий А. С. Платное образование — не услуга, студент — не клиент // Высшее образование в России. — 2002. — № 2; Какая модернизация нам нужна? (Об опыте системного преобразования вуза) // Там же. 2003. № 6; Высшее образование: доступное и платное // Там же. 2004. № 9; Симуляция образования или образование симуляции? // Там же. 2005. № 7; Ставка — будущее России. Азартная игра — Болонский процесс // Там же. 2005. № 9; Воспитательный процесс в университете в контексте культуроцентристской концепции образования // Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе : материалы XVI Междунар. науч.-метод. конф., 28 окт. 2011 г. СПб., 2011.

³ Резник Г. М. Не поддаваться искусству коммерции // Новая адвокатская газета. — 2011. — № 23 (дек.). С. 9.

Разумеется, ультралиберальная версия капитализма предполагает формирование ущербной социальной структуры общества. И это касается не только трансформации формальных социальных институтов¹, но и неформальных общностей. На смену сплоченным сообществам с устойчивыми и разнообразными социальными связями приходит «атомизация» социума, человеческое одиночество². Индивидуальные способы достижения профессионального успеха сопровождаются обособлением людей в непроизводственных сферах жизнедеятельности.

В итоге провозглашенная свобода общественной жизни не приводит к укреплению гражданского общества. За последние 20 лет исчезло огромное количество самостоятельных общественных организаций, ослабло по сравнению с советским временем профсоюзное движение, выведена на периферию общественной жизни и стагнирует единственная существовавшая в СССР политическая партия, а новое партийное строительство, по существу, так и не развернуто. Оказывается, что в условиях ультралиберальной формации гражданское общество еще менее уместно, чем при тоталитарном социализме сталинских времен.

Как убедительно показал в ряде работ академик В. С. Степин, никакие экономические реформы невозможны без преобразований культуры.³ В этой связи закономерно, что начиная с 90-х годов проведение ультралиберальной политики выдвигает на первый план задачу формирования новой культуры, не имеющей ничего общего в базисных основах не только с советской, но и с российской культурой дореволюционного периода, а также с мировой культурой.⁴

Формально провозглашается полная свобода культурной жизни в стране. Реально же резко сужается доступ населения к учреждениям культуры: библиотекам, музеям, театрам, выставочным залам

¹ Запесоцкий А. С. Проблемы деятельности институтов социализации в современной России // Педагогика. — 2011. — № 9; Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. — 2011. — № 11.

² Запесоцкий А. С. Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи. СПб., 2008.

³ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011; Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина. СПб., 2010.

⁴ Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 230–260.

и др. Мы обобщили результаты сотен различных социологических исследований в этой сфере. Результаты неутешительны: в 90-е годы возможности приобщения граждан России к деятельности учреждений культуры упали катастрофически. За последние 10 лет произошло некоторое улучшение ситуации, но существующие возможности в разы уступают как последним годам советского периода, так и современной практике Европейского союза. Кроме того, произошло качественное перерождение многих форм культурно-досуговой деятельности. Это касается социальных функций кинематографа и содержания театрально-концертной деятельности, художественного уровня книгоиздания и коллективных форм проведения свободного времени, самодеятельного творчества и увлечений спортом и т. д.¹

В целом произошло разительное обеднение досуга граждан, его «одомашнивание». Образно говоря, вся страна «уселась у телевизора». В 70% случаях россияне включают телеприемник, как свет в комнате, сразу же при входе в жилище. И чаще всего он работает до самой ночи, чем бы члены семьи ни занимались.²

Наши исследования показывают, что телевидение стало главным архитектором строительства новой российской культуры. Здесь следует упомянуть о некоторых принципиальных особенностях, свойственных современному информационно-индустриальному обществу. Речь идет о том, что в конце XX века рынок перестал быть игрой свободных производительных сил, описанных Карлом Марксом и его современниками. Рынок больше не подчиняется утилитарным потребностям людей и влиянию свободной конкуренции, превращаясь в систему, производную от идей. На смену производству материальных ценностей приходит производство смыслов. Роль смыслов кардинально меняет структуру производства. Смыслы производятся как продукты. Они генерируются в сознании людей с помощью внешних воздействий, манипуляций и, будучи произведены, порождают новые потребности. То есть и потребности производятся, как продукты. Манипулирование вытесняет конкуренцию. Произошли ради-

¹ Запесоцкий А. С. Обеспечение права на доступ к пользованию достижениями культуры — условие формирования социального качества жизни // Права человека и правовое социальное государство в России. Гл. IV. М., 2011. С. 182–205.

² Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры : науч. докл. и материалы дискуссий. СПб., 2010. С. 36.

кальные перемены в соотношении между влиянием объективных экономических законов и влиянием механизмов изменения сознания людей.¹ Ключевую роль в этих процессах в силу ряда особенностей сегодня и играет телевидение.

Упомянем всего лишь одну из этих особенностей: наличие неявного знания. Выражаясь словами академика В. С. Степина, неявное знание — это прежде всего образцы деятельности. Их зачастую даже трудно описать в виде инструкций, но они усваиваются и понимаются через подражание. В повседневной жизни образцы деятельности, поведения и общения выступают необходимым компонентом воспроизводства того или иного образа жизни. Подражая, люди как бы считывают друг с друга программы поведения и деятельности. Человек, выступающий в качестве образца, функционирует как своего рода семиотическая система.² Неявные знания, транслируемые в первую очередь телевидением, трансформируют российскую культуру.

Вот как говорит об этом руководитель Первого телеканала господин Эрнст: «Почему в первые годы такая популярность была у русских сериалов про реальность? Потому что, когда глобально изменилась ценностная шкала, люди не знали, как себя вести в новой реальности. И они понимали это как модель поведения. Которая проговаривалась под видом развлечения. В целом общество само вырабатывать модели поведения не может. Основная суть телевидения в том, чтобы проговаривать текущую ситуацию и правильные моральные модели поведения. Это эффективнее, чем просто учить. Учителя можно послать. А того, кто опосредованно формирует модели поведения, послать трудно, потому что это происходит помимо твоей воли и сознания. Ты же развлекаешься!» И еще одно замечание господина Эрнста: «Маркс, как мне кажется, ошибался. Так как надстройка формирует базис, надстройка главнее»³.

Разумеется, Эрнст плохо читал Маркса, если вообще читал. Но важно другое. В его словах содержится ключ к пониманию реальной

¹ Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 283–290.

² Степин В. С. Куда идет российская культура [Выступление на заседании «круглого стола»]. СПб., 2010. С. 9.

³ Эрнст К. Телевидение и эволюция // Научные и учебные тетради Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Тетр. № 1, сент.-дек. 2009 г. М., 2010. С. 19–28.

политики российского государства в сфере управления строительством нового социума, сложившейся в 90-е годы и осуществляемой до настоящего времени. В результате этой «эффективной» политики мы потеряли культуру, возвращающую в гражданах гуманизм, творческие начала, систему ценностей, испытанную тысячелетиями развития мировой цивилизации. Новая Россия хорошо умеет потреблять, но все меньше способна производить и тем более — творить. Формируется культура неоварварства, дикости, строится царство всепача денег. Живущие в этой культуре люди искренне убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли (по последним опросам так считают свыше 30% наших сограждан¹)...

Следует заключить, что созданная в 90-е годы в нашей стране ультралиберальная версия капитализма в корне противоречит интересам российского государства и общества — как неконкурентоспособная в контексте процессов мирового экономического и социально-культурного развития, в условиях глобализации. Перед Россией вновь встает задача выхода из очередного тупика — на магистральные пути общественного развития.

Встают и новые задачи перед российской социологией. Нам надо активнее изучать скрытые механизмы воздействия на людей, научиться отличать реальные чаяния граждан, порожденные человеческой сущью человека, от суррогатных потребностей, сфабрикованных манипуляциями. Надо изучать феномены массовых безумий — вроде того, что привело к распаду Советского Союза, и того, что, зарождаясь в наши дни, грозит потрясти основания еще не окрепшей после катаклизмов 90-х годов российской государственности.

Развивать социологию сегодня непросто. Увы, и наше сообщество оказалось подвержено вирусу коммерциализации. Не секрет, что многие известные социологи теперь подгоняют результаты своих исследований под интересы заказчиков. Для манипуляций общественным мнением в постсоветский период созданы и щедро финансируются центры, альтернативные системе учреждений Российской академии наук. Там уже появились и функционеры ультралиберальной социологии, новоявленные Лысенко.

В этой непростой обстановке российские социологи обязаны выполнять свой долг перед наукой, обществом, страной.

¹ «Солнце — спутник Земли», или Рейтинг научных заблуждений россиян // ВЦИОМ: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111345/> (дата обращения: 06.02.2012).

Библиография

1. Баталов Э. Я. Движущая сила идей // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010.
2. Запесоцкий А. С. В калошах Ельцина, под зонтиком Гайдара // Санкт-Петербургские ведомости. — 2009. — 26 окт.
3. Запесоцкий А. С. Влияние СМИ на молодежь как проблема отечественной педагогики // Педагогика. — 2010. — № 2.
4. Запесоцкий А. С. Воспитательный процесс в университете в контексте культуроцентристской концепции образования // Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе : материалы XVI Междунар. науч.-метод. конф., 28 окт. 2011 г. СПб., 2011.
5. Запесоцкий А. С. Высшее образование: доступное и платное // Высшее образование в России. — 2004. — № 9.
6. Запесоцкий А. С. Гайдар умер, но дело его живет и побеждает // МК. — 2010. — 10 февр.
7. Запесоцкий А. С. Какая модернизация нам нужна? (Об опыте системного преобразования вуза) // Высшее образование в России. — 2003. — № 6.
8. Запесоцкий А. С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Социол. исслед. — 2010. — № 7.
9. Запесоцкий А. С. Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. — 2011. — № 11.
10. Запесоцкий А. С. Обеспечение права на доступ к пользованию достижениями культуры — условие формирования социального качества жизни // Права человека и правовое социальное государство в России. Гл. IV. М., 2011.
11. Запесоцкий А. С. Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи. СПб., 2008.
12. Запесоцкий А. С. Платное образование — не услуга, студент — не клиент // Высшее образование в России. — 2002. — № 2.
13. Запесоцкий А. С. Проблемы деятельности институтов социализации в современной России // Педагогика. — 2011. — № 9.
14. Запесоцкий А. С. Симуляция образования или образование симуляции? // Высшее образование в России. — 2005. — № 7.
15. Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры : науч. докл. и материалы дискуссий. СПб., 2010.
16. Запесоцкий А. С. Ставка — будущее России. Азартная игра — Болонский процесс // Высшее образование в России. — 2005. — № 9.
17. Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина. СПб., 2010.

18. Запесоцкий А. С. Тупик № 2. Незнайка как новый символ России // ПОИСК. — 2010. — 19 марта.
19. Кондрашова Л. И. Какая демократия нужна Китаю? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010.
20. Конституция Российской Федерации. М., 2011.
21. Кравченко Е. Мир невыученных уроков // Ведомости. — 2012. — 25 янв.
22. Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992.
23. Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / Рук. авт. колл. Н. Я. Петраков. М.; СПб., 2011.
24. Нереализованный потенциал модернизации / Науч. ред.: О. Т. Богомолов, А. С. Запесоцкий. СПб., 2011.
25. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние : науч. и публицист. заметки обществоведов / Науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2010.
26. Права человека и правовое социальное государство в России / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2011.
27. Резник Г. М. Не поддаваться искусству коммерции // Новая адвокатская газета. — 2011. — № 23 (дек.).
28. «Солнце — спутник Земли», или Рейтинг научных заблуждений россиян // ВЦИОМ: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111345/> (дата обращения: 06.02.2012).
29. Степин В. С. Куда идет российская культура [Выступление на заседании «круглого стола»]. СПб., 2010.
30. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011.
31. Цзин Цзе Ли. Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как «влево», так и «вправо» // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире : VII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007.
32. Эрнст К. Телевидение и эволюция // Научные и учебные тетради Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Тетр. № 1, сент.-дек. 2009 г. М., 2010.
33. When fortune frowned: a Special report on the World economy // The Economist. 2008. 11 oct.: http://www.uni-graz.at/vwlwww_stm_survey_2008.pdf (дата обращения 06.02.2012).

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

*МАМОНОВА Ольга Николаевна,
кандидат социологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел социологии, Московский институт
социально-культурных программ
foxie@inbox.ru
СОСУНОВА Ирина Александровна,
доктор социологических наук, профессор,
проректор по науке, Академия МНЭПУ
sosunova@mneu.ru*

Может ли экологическая мораль быть рациональной: к вопросу о социально-экологических доминантах / Can the ecological morality be rational: about socio-ecological dominants

У нас пока еще нет этики природы, но мы хотя бы приблизились к признанию того факта, что птицы должны существовать в силу своего биотического права независимо от того, выгодно это нам экономически или нет.

О. Леопольд

Аннотация

Статья посвящена проблемам, связанным с социально-экологическими доминантами, а именно — экологической культурой, экологической этикой и моралью, определяющими процесс перехода к устойчивому развитию и оцениваемыми методическими средствами современной социологии.

Ключевые слова

Мораль; экологическая культура; экологическая этика; социально-экологические доминанты.

Annotation

The article is devoted to social-ecological dominants; the social-ecological consciousness, ecological ethics and ecological morality are considered as the most important aspects which define the change to sustainable development. The measurement by sociological tools is also presented.

Keywords

Morality; ecological culture; ecological ethics and morality; social-ecological dominants.

Существование любого общества немислимо без опоры на духовно-нравственные ценности. Самоопределение личности и ее свободное развитие осуществляются всегда в определенном пространстве морали. Мораль — интегративная категория, включающая в себя скрытые механизмы внутреннего мира, форма нормативной и оценивающей функции в человеческом поведении, самооценка, связанная как с индивидуумами, так и с обществом. Основное назначение морали — способствовать гуманизации человека, всех отношений в обществе. Разумеется, экологическая мораль (как и мораль вообще) представляется историческим феноменом, она эволюционирует, существует как развивающиеся взаимосвязанные подсистемы, в составе которых стоит выделить: моральные нормы и оценки; поступки как ситуационное воплощение экологической морали; моральные качества индивида, в совокупности образующие его моральный склад; нравственные чувства, эмоции и опыт, переживания, связанные с восприятием нравственной стороны жизни и отличающиеся от его рациональной реакции.

Понимание нормативно-регулирующего действия экологической морали на поведение людей требует решения ряда проблем.¹ В прагматическом плане данные проблемы можно свести к нескольким закономерным вопросам, а именно:

¹ Сосунова И. А. Методология и методы современной социальной экологии. М. : МНЭПУ, 2010. С. 237.

- насколько необходимо и плодотворно обращение к категории экологической морали, связанное с необходимостью преодоления сложных исследовательских проблем? Рациональна или иррациональна мораль?

- применимо ли само понятие морали к общей проблеме взаимодействия человека и природы? И если применимо, почему экологическая мораль не смогла исключить разрушение окружающей среды?

В идеале экологическая мораль должна принимать жизнеутверждающую установку, поскольку ориентирована на интеграцию человека и природы, на гармонизацию их отношений, а не на отрыв этих сущностей друг от друга.¹ На практике же ситуация кардинально отличается.

По мнению авторов, социально-экологическая ситуация в стране может быть критерием развития социально-культурного уровня общества в целом, а также его индивидуумов в частности. В этой связи представляется интересным распределение ответов респондентов (по данным ежегодных опросов Московского института социально-культурных программ, начиная с 2003 г., $N=1000$) (см. диаграмму 1):

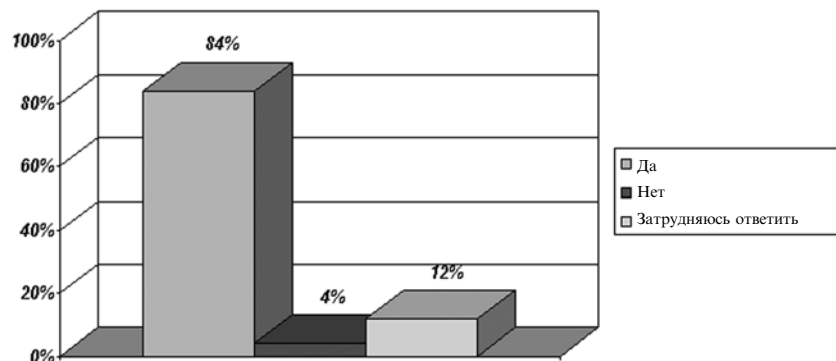
- 32% респондентов видят себя в роли «повелителя природы»;
- 28% респондентов хотели бы называть себя «друзьями природы»;
- 20% респондентов ощущают себя «частью природы»;
- 13% респондентов осознают, что человеческая цивилизация стала «врагом природы».

Осознание необходимости соблюдения экологических принципов, с одной стороны, представляется актом свободы человеческой воли, добровольным актом принятия такого решения субъектом действия; с другой стороны, диалектика свободы и необходимости проявляется в том, что при существенном отклонении от экологических принципов общество неизбежно сталкивается с кризисной ситуацией, когда экологические принципы должны соблюдаться независимо от воли субъекта действия. Американский ученый Олдо Леопольд еще в 1980-х гг. писал: «Этика в экологическом смысле — это огра-

¹ Калликотт Б. (1990): Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика. — Глобальные проблемы и общечеловеч. ценности. М. : Прогресс. 308–327; Кэлликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. — Гуман. экол. ж. 1 (2): 40–67.

Диаграмма 1

«Согласны ли Вы с утверждением, что экологическая ситуация в стране зависит от экологии духа, культуры и социальных ценностей ее граждан?»

ничество свободы действий в борьбе за существование», «вещь правильна, когда у нее есть тенденция сохранять целостность, стабильность и красоту биологического сообщества. Она неправильна, когда имеет обратную тенденцию»¹. «...Этика земли меняет роль человека, превращая его из завоевателя сообщества, составляющего землю, в рядового и равноправного его члена. Это подразумевает уважение к остальным сочленам и уважение ко всему сообществу».

Экологическая этика — прикладная дисциплина, являющаяся результатом междисциплинарного синтеза и располагающаяся на стыке этики и экологии. Экологическая этика увязывает в единый нормативно-ценностный комплекс представления о природных системах и правилах взаимодействия с ними. Согласно немецкому экофилософу М. Горке, схему экологической этики можно представить в виде системы вложенных кругов, в которой с каждым кругом увеличивается объем моральной ответственности человека²:

¹ Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М. : Мир. 1–248.

² Gorke M. (1998): Artensterben und Ethik. Die Grenzen der anthropozentrischen Perspektive. — Anzeiger des Vereins Thüringer Ornithologen. 3 (2): 93–102; Горке М. (2002): Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы. — Гуман. экол. ж. 4 (1): 101–108.

1. Круг наименьшего радиуса — антропоцентризм. Отношение человека к природе рассматривается через призму интересов человека. Этот подход в охране природы выражает хорошо известный нам лозунг: «Все для блага человека, все во имя человека».

2. Следующий круг расширяет нашу ответственность до способных чувствовать и страдать высших животных — патоцентризм. Ярким представителем этого направления является П. Сингер с идеей «освобождения животных», поскольку все сводится к освобождению их от боли и страданий.¹

3. Третий круг — биоцентризм — включает все живые организмы.

4. Наконец, четвертый круг с наибольшей ответственностью человека — экоцентризм (холизм). Включает живые организмы, неживую природу и всю биосферу в целом.

Социально-экологическая культура, этика и мораль являются социально-экологическими доминантами, т. е. наиболее важными факторами социально-экологической природы, определяющими процесс перехода к устойчивому развитию и оцениваемыми современными методическими средствами.²

Под экологической культурой предлагается понимать систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, распространяющихся на все сферы материальной и духовной жизни и направленных на регуляцию отношений общества и природы на основе принципа коэволюции. Остановимся на двух важнейших характеристиках ее современного состояния:

- «желаемый образ» взаимоотношений человека и природы (по данным экспертного опроса 2008 г.): к сторонникам неконфронтационных отношений с природой отнесли себя более 90% экспертов; примерно 2/3 считают особенно важным для человека возможность прямого контакта с ненарушенной человеческой деятельностью природной средой; более половины считают основным источником эстетических чувств воздействие природы на человека; примерно 3/4 считают необходимым гармонизацию «второй природы» и окружающей природной среды;

- структура (по результатам анкетного опроса 2008 г.): на первое место респонденты поставили экологические знания и соблюдение

¹ Сингер П. Освобождение животных. Киев : КЭКЦ, 2002. 1–128.

² Сосунова И. А. Методология и методы современной социальной экологии. М., 2010.

экологических норм (61 и 60% опрошенных соответственно), почти половина (47%) считает, что экологическая культура предполагает экологическую деятельность.¹

На регулятивную функцию экологической морали в настоящее время существенно влияют такие специфические факторы, как:

- процессы глобализации (вестернизации), в частности насаждающие прагматизм и культ потребления;
- подчиненное положение экологических ценностей в ценностной системе населения России. Влияние экологической ситуации на суммарный индекс удовлетворенности жизни по экспериментальным данным несколько превосходит социальный статус, экономическую обстановку в стране, творческую самореализацию на работе, но заметно уступает материальному положению семьи, личной безопасности, состоянию здоровья и т. д.;
- «ценностный разлом» последних десятилетий;
- незакрепленность принципов экологической этики и морали в корпоративной культуре российских предприятий и организаций. По результатам экспертного опроса 2008 г. лишь 3% респондентов отмечают, что корпоративная культура в России уже соответствует мировому уровню. При этом эксперты вообще не отмечают заметного присутствия «экологического компонента» в корпоративной культуре. Однако заметна и актуализация проблем экологической этики и морали в общественном сознании: около 80% опрошенных представителей предпринимательских кругов подчеркнули значение морально-этических основ принятия экологически значимых решений.

В условиях несомненной научной неопределенности социально-экологические доминанты могут играть роль комплексных индикаторов устойчивости развития, одновременно являясь и объектом социального управления. Для этого необходимо в первую очередь их эмпирическое социологическое изучение (социально-экологический мониторинг, сравнительные исследования).

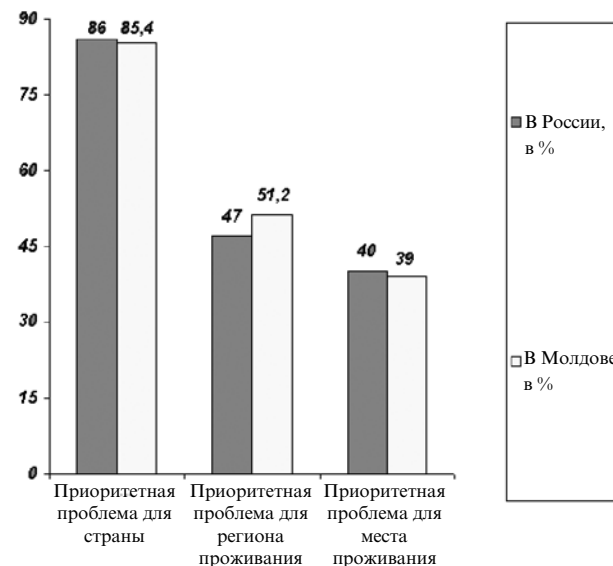
Результаты подобного сравнительного исследования представлены ниже. Из-за специфического характера целей и объекта исследования в качестве метода был выбран метод качественных исследований (экспертный опрос). В основном опрос проводился во время

¹ Опрос проведен в 2008 г. в Тульском промышленном регионе по авторской методике. Цит. по: Сосунова И. А. Методология и методы современной социальной экологии. М., 2010. С. 245.

конференций, семинаров и других мероприятий, организуемых специалистами в области природоохранной деятельности. Кроме того, бланк полужурнализованного интервью для экспертного опроса был опубликован в специализированном издании — еженедельной газете «Природно-ресурсные ведомости». Российский веб-сайт в Интернете <http://www.priroda.ru/> также был использован в качестве площадки для проведения исследования и получения результатов. В итоге было опрошено более 200 экспертов в России и Молдове. Безусловно, степень актуальности социально-экологических проблем крайне высоко оценивается экспертами в обеих странах (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

**Приоритетность социально-экологических проблем
в представлении экспертов, в %**

Равное число экспертов в России и Молдове (по 90% соответственно) отметили, что процесс принятия экологически значимых решений требует «включения населения» в данный процесс (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

Необходимость активного участия населения в планировании природоохранных мероприятий в представлении экспертов, в %

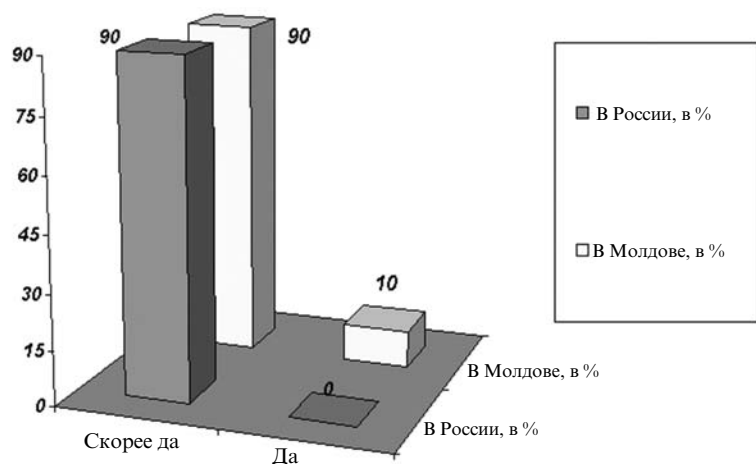
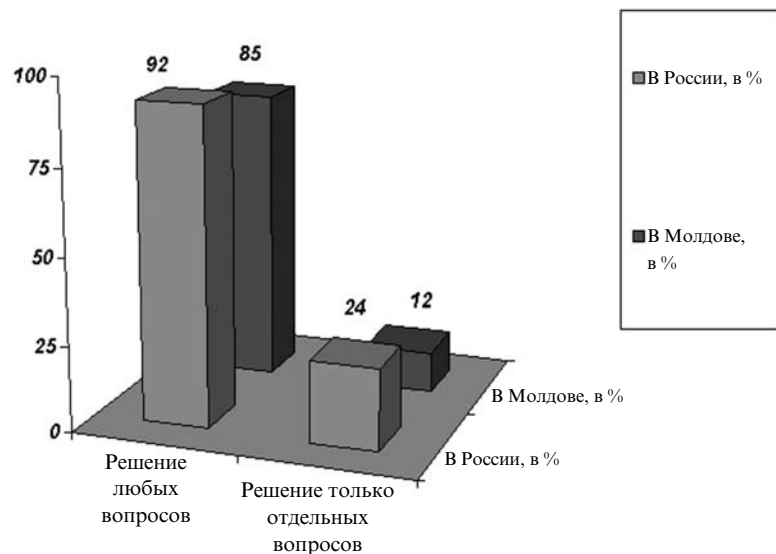

Диаграмма 4

Участие населения в решении вопросов, посвященных окружающей среде, наряду с органами власти в представлении экспертов, в %

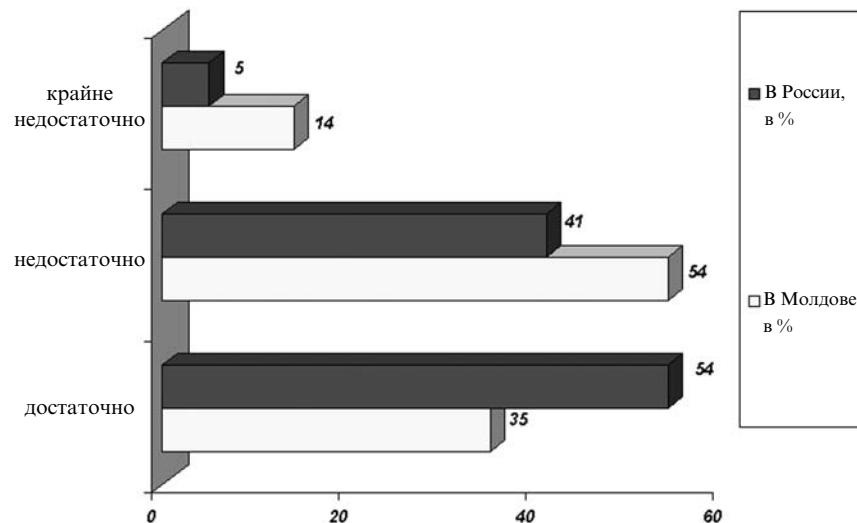

Это факт представляется особенно интересным, учитывая общую социально-политическую усталость населения и низкий уровень доверия к политическим организациям (см. диаграмму 4).

Также крайне важным представляется распределение ответов на вопрос об оценке степени информированности экспертов по вопросам, касающимся проблем в природоохранной области (см. диаграмму 5).

Диаграмма 5

Степень информированности по проблемам окружающей среды в оценках экспертов, в %

- Настораживает тот факт, что большинство опрошенных (58% экспертов) негативно оценивают деятельность экологических общественных организаций в России, считая ее малоэффективной, а представителей данных организаций — склонными к популизму и саморекламе. Лишь 13% экспертов отметили работу Российского экологического движения «Зеленые», также упоминались «Greenpeace» и «Зеленый патруль». К сожалению, еще более негативное отноше-

ние к экологическим организациям сложилось в Молдове. 78% экспертов считают их деятельность неэффективной. Лишь 5% опрошенных смогли назвать общественную организацию «Экологическое движение Молдовы». Эксперты отметили, что население «не знает о деятельности “зеленых организаций”». Именно поэтому нравственное воспитание населения в традициях экологического императива и соответствующих ему моральных ценностей (умеренности, ответственности, экономии и т. п.), распространение принципов экологической этики и морали становятся сегодня важными задачами общественного развития.

В заключение представляется разумным привести еще одну цитату О. Леопольда: «...перестаньте считать бережное обращение с землей чисто экономической проблемой. Рассматривая каждый вопрос, ищите не только то, что экономически выгодно, но и то, что хорошо этически и эстетически».

Библиография

1. Горке М. (2002): Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы. — Гуман. экол. ж. 4 (1): 101–108.
2. Калликотт Б. (1990): Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика. — Глобальные проблемы и общечеловеч. ценности. М. 308–327.
3. Калликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. — Гуман. экол. ж. 1 (2): 40–67.
4. Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М. 1–248.
5. Сингер П. Освобождение животных. Киев, 2002. 1–128.
6. Сосунова И. А. Методология и методы современной социальной экологии. М., 2010.
7. Gorke M. (1998): Artensterben und Ethik. Die Grenzen der anthropozentrischen Perspektive. — Anzeiger des Vereins Thüringer Ornithologen. 3 (2): 93–102.
8. <http://humane.evol.nw.ru/ideol4.html>

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

*СЕРГЕЕВА Кира Владимировна,
соискатель, кафедра философских
и социально-политических наук,
МГГУ им. М. А. Шолохова,
главный специалист,
Московский институт
социально-культурных программ
s-k-v@mail.ru*

Социализация современной российской молодежи: от воспитания к самовоспитанию / Socialization of modern Russian youth: from education to self-education

Аннотация

Статья посвящена особенностям современного этапа социализации молодежи в контексте происходящих в мире и стране изменений. На основе проведенного анализа проблемы предлагается идея о существенном возрастании роли самосоциализации молодежи с утратой авторитета и легитимности многих традиционных институтов и агентов социализации.

Ключевые слова

Социализация; молодежь; агенты социализации; социальные нормы и ценности; самосоциализация.

Annotation

The article is devoted to peculiarities of youth socialization at the present stage in a context of world and Russian transitions. On the basis of the theoretical analysis of this problem the idea of essential increasing

role of youth self-socialization with loss of authority and legitimacy of many traditional institutes and agents of socialization is presented.

Keywords

Socialization; youth; agents of socialization; social norms and values; self-socialization.

Проблема социализации молодежи всегда находилась в центре научных исследований, связанных с анализом состояния и перспектив развития общества как в его социальном, экономическом, политическом, так и духовно-нравственном и гуманистическом измерении. От того, как будет проходить процесс формирования сознания молодого человека, в определяющей степени будет зависеть стабильное развитие всего общества и будущее государства. Сознание молодого человека характеризуется особой пластичностью, восприимчивостью, способностью к переработке и освоению большого потока информации. В период молодости формируются политические взгляды и мировоззрение, появляются профессиональные интересы, меняется образ жизни, складывается новый стиль поведения. В основе этих изменений лежит изменение положения молодого человека в обществе, вызванное расширением его прав и обязанностей. На формирование сознания молодежи оказывают влияние социокультурные особенности жизни социума, которые имеют свои особенности на каждом из исторических этапов развития общества и государства. Следовательно, молодежь является «социокультурным продуктом». А это значит, что социализация молодежи также, по своей сути, является социокультурным процессом. Процессом, где «социальное» тесно переплетается с «культурным», «институциональное» с «самодеятельным», «регулируемое» с «самоорганизующимся».

Особенности социализация молодежи в современном мире в целом и в России в частности, как показывает анализ данной проблемы, в значительной степени определяются в настоящее время следующими социальными процессами, характеризующими положение молодежи как социальной группы:

1. Изменение в агентах социализации в сторону усиления дифференциации между институтами, ее осуществляющими (семья, школа, СМИ, религиозные организации, молодежные клубы и т. д.), с одной стороны, и снижением уровня согласованности и единства направленности их воздействия, с другой стороны.

2. Изменение в содержательной стороне социализации: ценностях и идеях в сторону увеличения «функциональной социализации», направленной на формирование профессионализма, и уменьшения «этической социализации», направленной на формирование нравственных, гуманистических основ деятельности человека.

3. Повышение социальной и географической мобильности, которая расширяет возможности реализации потенциала молодого человека и стимулирует процессы самосоциализации.

4. Продление процесса вступления во взрослую жизнь в связи с удлинением периода образования и профессиональной подготовки.

5. Более длительное пребывание и концентрация молодых людей в группе своих сверстников, рост интенсивности взаимодействия в связи с развитием социальных сетей в Интернете.

6. Усиление процессов выработки своей «молодежной морали», включающей в себя поиски смысла жизни и деятельности, участие в совместных действиях и мероприятиях, стремление к творчеству и самовыражению.

Социализация молодежи в трансформирующемся обществе носит нелинейный, непоследовательный и во многом противоречивый характер. Как и у всех других социально-демографических групп, молодежный этап жизненного цикла в период социально-экономических и социально-политических перемен, свойственных модернизации общественной жизни, сопровождается двумя основными формами социализации. Во-первых, процессами десоциализации, выражающимися в отказе от старых норм и правил поведения. Во-вторых, процессами ресоциализации, заключающимися в принятии и усвоении новых ценностей, норм и правил поведения взамен ранее усвоенных.

В трансформирующемся обществе, когда процессы адаптации к новым условиям не успевают за социодинамикой происходящих перемен, интеграция молодежи в социальную структуру общества носит неустойчивый и нередко маргинальный характер. Адаптация российской молодежи к современным условиям жизнедеятельности, которую можно рассматривать как преимущественно внешний процесс социализации, имеет также непростую форму.

Процесс адаптации российской молодежи к новым социальным и экономическим условиям у одной части ее представителей может быть успешным, а у другой безуспешным, что выражается в соответствующих социологических показателях. В первом случае это

может быть высокий социальный и профессиональный статус индивида, его удовлетворенность содержанием деятельности и взаимодействием с социальной средой. Крайней формой безуспешной адаптации является дезадаптация и ее такие конкретные проявления, как высокая заболеваемость и смертность, пьянство, наркомания, самоубийства, противоправные проявления, другие формы отклоняющегося поведения, которые выступают десоциализирующими факторами.

В условиях современной России, переживающей длительное и болезненное переходное состояние от постсоветского общества к новому социальному обустройству, проблема адаптации молодежи приобретает особое значение в рамках общего процесса их социализации. Адаптация превращается в социальную и психологическую способность молодых людей пережить чрезвычайную, кризисную ситуацию перехода от одних общественных порядков и социальных укладов жизни к другим, зачастую более сложных, более опасных и рискованных для молодых людей.

Другой фазой социализации молодого человека является интернализация (интериоризация) норм, стандартов, стереотипов поведения, ценностей, характерных для внешней среды, которая выражается в их превращении во внутреннюю «принадлежность» личности. Это процесс перевода внешних требований во внутренние установки человека. Интернализация личности предполагает ее включение в определенную социальную структуру, в определенный вид социальной деятельности. Важным фактором успешной интериоризации является активное социальное взаимодействие с членами определенной социальной группы по поводу осуществления того или иного вида совместной социально полезной деятельности.

В процессе социализации молодого поколения важнейшим периодом является либо фаза начала трудовой деятельности, либо — профессиональная подготовка к ней. Именно здесь проявляется самосознание личности, формируются ценностные ориентации и социальные установки, которые будут определять траекторию развития личности в течение всей остальной жизни. Данный этап социализации молодежи характеризуется исключительным значением правильного воспитательного воздействия. В этой связи практически в любом обществе социализация, протекающая на первых этапах, имеет ярко выраженный воспитательный характер. Отказ

общества от целенаправленного проведения воспитательной работы через официальные институты приводит к сбоям процесса социализации, преобладанию в ней адаптационного, приспособительного механизма. Эта тенденция особенно опасна для социализации молодежи в трансформирующемся обществе, отличающемся размытостью и потерей четких социальных ориентиров, норм и правил поведения. Как справедливо отметил В. Лисовский, «в условиях крайне негативной социальной среды, при отсутствии официально декларируемых норм поведения и допустимых способов достижения личностью своих целей, санкций за их нарушение, одним словом, при отсутствии социального контроля адаптация приводит к подчинению личности среде, пассивному восприятию ею действительности, к уходу от жизни как следствию неприятия этой действительности или разного вида отклоняющегося поведения». Без целенаправленного воспитательного воздействия социализация молодежи часто проходит в условиях стихийного взаимодействия индивида с социальной средой. В условиях экономического кризиса, спада производства и массовой безработицы, которой охвачена в наибольшей степени молодежь, учебные заведения остаются тем социальным институтом, который направлен на формирование профессиональных ориентиров и трудовой этики. «Высшая школа определяет формирование трудовой этики у той группы, которая пополнит ряды управленческого и интеллектуально-гуманитарного слоев профессионалов и которые, в свою очередь, будут определять вектор дальнейшего социального развития».

Анализируя влияние разных факторов на процесс воспитания молодежи, важно отметить, что они проявляют себя через особый рефлексивный механизм социализации молодых людей. Этот механизм выступает как своеобразный внутренний диалог, в рамках которого молодые люди анализируют, оценивают, принимают или отвергают разные ценности, нормы, стандарты, правила.

Особо следует сказать об *институциональном механизме* социализации, который действует в процессе взаимодействия личности с социальными институтами, созданными специально для этой цели, или же попутно реализующими социализирующую функцию в ходе своей деятельности. К числу первых можно отнести институты образования и воспитания, к числу вторых — производственные, политические, учебные, религиозные, культурно-досуговые учреждения, СМИ и другие.

Значение социальных институтов для процесса социализации молодых людей состоит прежде всего в том, что под их влиянием, в результате предлагаемых образцов поведения происходит усвоение тех или иных социальных ролей, норм, ценностей. Конечно, в первую очередь здесь наибольшее влияние на личность оказывают институты семьи, образования и воспитания. Однако с точки зрения задач социализации они не тождественны в своих функциях. Если в семье происходит освоение личностью социокультурных стандартов и общечеловеческих норм и ценностей, то в рамках институтов образования происходит освоение знания, аккумулированного в нем социального опыта, реализация способностей и дарований личности.

На разных этапах социализации молодой человек формируется как личность по мере развития своих социальных качеств. В отношении содержания социализации (т. е. ценностей и знаний, передаваемых новому поколению) в настоящее время, как считают П. Арнольд, М. Бассан, М. Келлерхальс, наблюдается внедрение трех нормативных моделей поведения, условно воплощенных в трех идеальных типажах:

1. «Человек — технократический», который является выразителем трех фундаментальных ценностей:

- высокая профессиональная и техническая подготовка;
- социальное и профессиональное продвижение благодаря собственным усилиям и «заслугам»;
- приспособление и лояльность как жизненный принцип.

2. «Человек — общественно-политический», который воплощает следующие основные ценности:

- долг и ответственность как жизненный принцип;
- четко выраженный семейный, религиозный, социально-политический опыт, государственный и патриот;
- важность социального признания и продвижения как выражение социальной значимости и общественной респектабельности.

3. «Человек — сенсация» или «Человек — гламурный», который представляет три главные ценности:

- решающее значение момента по отношению к долгосрочному проекту, жизнь сегодняшним днем и малая забота о будущем;
- превалирующая роль текущих новостей, общественных сенсаций по отношению к серьезной аналитике, хорошей литературе, идеологическим и духовно-нравственным материалам;

— особое значение, приписываемое «мечтаемым» и воображаемым ситуациям, превалирование в жизни надежды на неожиданное достижение жизненного успеха, «улыбку судьбы», по отношению к реальному повседневному опыту и конкретной деятельности.

Каждая из этих трех моделей социализации молодого человека, характерных для современного мира, по-своему отвечает на вопрос, что такое человек, что составляет его счастье и смысл жизни, какими путями он должен добиваться в жизни успеха и признания. Вышеуказанные авторы считают, что эти три видения человеческого мира, внушаемые молодому человеку с одинаковой интенсивностью преимущественно различными агентами социализации (первый — школой, институтом; второй — семьей, церковью, воспитателями; третий — средствами массовых коммуникаций), серьезно противостоят друг другу. По сути, процесс социализации носит разорванный характер, раскалывает мировоззрение личности на взаимоисключающие модели достижения жизненного успеха и самореализации. Сам процесс социализации, осуществляемый со стороны разных социальных институтов и агентов в рамках своего целенаправленного или непровольного социокультурного и морального воздействия, отличается противоречивыми и разнонаправленными этическими тенденциями. Указанные авторы справедливо отмечают: «Молодой человек предоставлен самому себе, но не позитивно, а вследствие неспособности общества интегрировать свои средства социализации. Единственная сфера, в которой молодой человек является объектом внимания, даже очень строгого, — это сфера его профессиональных, технических и экономических отношений. Если верить фактам, то можно подумать, что человек важен для общества только как экономический производитель. Уместно в таком случае говорить о «функциональной социализации».

Подобная ситуация, когда отсутствует единое, целенаправленное воспитательное воздействие со стороны разных агентов социализации, а сама личность молодого человека интересует государство и общество в первую очередь как квалифицированный специалист и профессионал, лояльный по отношению к власти граждан и «конформист», характерна во многом и для современной России.

Реформирование российского общества привело к серьезному изменению эталонов успешной социализации молодежи, к изменению совокупности правил передачи социальных норм и культурных ценностей от поколения к поколению. Можно выделить следующие

характерные особенности социализации российской молодежи на современном этапе развития общества с учетом затянувшегося и не всегда последовательного перехода от советской системы социализации (единообразной по нормативности, с равными стартовыми возможностями и гарантиями, обеспечивающими предсказуемость жизненного пути) к другой постсоветской системе (пока лишь складывающейся, вариативной, стратифицированной):

- трансформация основных мировоззренческих и ценностных координат жизни общества;
- фрагментация, слабость процессов социализации, их несоответствие друг другу;
- внедрение новых социальных моделей человеческого поведения и достижения жизненного успеха;
- исчезновение ряда прежних институтов социализации молодежи, например, массовых детских, юношеских единых организаций, организованных молодежных движений;
- изменение роли основных агентов социализации, снижение их морального и воспитательного воздействия;
- становление новой системы общественной регуляции и социального контроля, изменение системы мотивации поведения;
- создание специфических разнородных «молодежных пространств», в результате новых возможностей пространственно-временной концентрации молодых людей в социальных сетях Интернета;
- дисбаланс организованных и стихийных процессов социализации в сторону стихийности;
- изменение соотношения общественных и личных интересов в сторону расширения автономии формирующейся личности и пространства для самостоятельности, творчества и инициативы человека;
- снижение в глазах молодежи уровня легитимности социальных институтов и агентов социализации, падение их авторитета и доверия к их деятельности.

В этой связи ключевой особенностью социализации молодежи в современных условиях, как нам представляется, является резкое возрастание личностной ответственности и личного социального выбора в процессе формирования и саморазвития личности молодого человека. Молодежь в настоящее время становится одним из основных агентов и субъектов своей собственной социализации.

Социализирующие функции, интенсивность межличностных коммуникаций в молодежной среде в условиях развития Интернета и социальных сетей существенно выросли и изменили сам характер воздействия молодежных групп на формирование моделей поведения и жизненных практик.

Поскольку «мир взрослых» в современном мире в целом и в России в частности не предлагает молодому человеку готового и цельного видения мира со своей логикой действий, символами успеха, смыслами жизни, ценностными представлениями, мировоззренческими воззрениями, духовно-нравственными суждениями, он сам должен их сформулировать и сконструировать на основе своей культурной идентичности, в процессе рефлексии и определения своей культуральности.

Самосоциализация молодежи и условия, в которых она сегодня протекает, как представляется, может привести и уже приводит к следующим основным социальным последствиям, отображающим изменение отношений между молодежью и обществом в целом:

- усиление интеллектуальной, креативной, творческой деятельности молодых людей, подрыв веры в авторитеты и в предыдущий социальный опыт;
- повышение роли нравственного, этического самовоспитания, формирование «своей морали» и «своего мировоззрения»;
- возрастание уровня отчуждения между молодежью и обществом в целом, разрыв поколенческих связей, ревизия общепринятых общественных норм и ценностей;
- рост напряженности в отношениях между разными группами молодежи в силу усиления их социальной дифференциации и стратификации;
- выработка своих символов веры и смыслов деятельности, характерных для той или иной группы молодежи;
- усиление, с одной стороны, глобальных тенденций в развитии молодежных субкультур, с другой — повышение значения регионализации и локализации молодежных групп, рост на этой основе конфликтного потенциала;
- рост экстремистских проявлений, протестной активности, разных форм девиантного поведения;
- продление некоторых видов юношеского поведения, формирование моды на молодежную стилистику жизни и ювенальную социальную практику.

Резюмируя особенности социализации молодежи как в российском обществе, так и в современном мире, можно отметить во многом справедливость следующего заключения, сделанного в отношении ситуации, сложившейся в быстро изменяющемся под вызовами времени социуме: «...Сегодня налицо кризис социализации. В той мере, в какой последняя должна интегрировать новые поколения в социальную систему через передачу ролей, норм поведения и ценностей, можно сказать, что процесс социализации в нашем обществе поражен болезнью. Следствием тому — создание многочисленных групп молодежи, противоречивые черты которых мы видели.

Новые поколения принимают ту или иную социальную систему лишь в том случае, когда они подвержены влиянию ценностей, обосновывающих ее существование. В противном случае она становится чуждым и бессмысленным объектом... Когда-то семья, школа, воспитательные учреждения являлись распространителями фундаментальных целей общества. В настоящее время, поскольку дело обстоит иначе, молодежь имеет тенденцию к более критическому взгляду на это общество».

Когда начались рыночные преобразования и либеральные реформы в современной России, профессор В. И. Чупров справедливо отмечал: «Нельзя не учитывать, что значительная часть нынешней молодежи, так же как ее родители и деды, родилась и выросла в условиях социалистических представлений о справедливости, когда многие права не на словах, а на деле гарантировались государством. Поколения, для которых право на труд, бесплатное образование, всеобщее бесплатное медицинское обслуживание, другие формы социальной защищенности были реальностью, вряд ли безоговорочно примут любую модель общества, лишаящую их этих гарантий. Более того, они несут в себе своеобразный “генетический код”, закрепленный в социальной структуре, обеспечивающий преемственность подобной направленности мотивации в будущих поколениях». В настоящее время ситуация коренным образом изменилась. Многие молодые люди уже выросли в условиях новой России. Конечно, нельзя не учитывать факт, что существует историческая память, которая передается от поколения к поколению через разные каналы коммуникации: кино, музыку, песни, книги, журналы, воспоминания родителей и других людей. Конечно, несмотря на то что многое в жизни общества поменялось, немало осталось прежних

архетипов сознания и стереотипов поведения, которые воспроизводятся в новом поколении молодежи. При этом было бы неправильным считать, что их воспроизводство носит для общества деструктивный характер и тормозит модернизацию и развитие. Наоборот, скорее резкий отказ от выработанного предшествующими поколениями россиян социального опыта, моделей поведения и жизненных стратегий привел бы к угрозе дестабилизации общества и вызвал бы дальнейший раскол социума, углубив конфликт поколений.

Главная специфика всего комплекса социальных проблем, встающих сегодня перед молодежью, заключается в том, что его формирование происходило и происходит в ситуации кардинального перехода от одного общественного уклада к другому. При этом крупномасштабные экономические, политические, социальные «сдвиги» становятся качественно новым источником негативных изменений в системе социализации молодого поколения, воздействующим на процессы становления его гражданского мировоззрения, моральных установок, культуры, нравственной позиции, правосознания.

В условиях, когда социальные нормы теряют свою функцию социального контроля, что характерно для переходного общества, происходит рост и воспроизводство социальных рисков. Разрушение моральных, правовых, идеологических основ жизни приводит к тому, что заметно расширяются возможности выбора жизненных стратегий с высокой степенью непредсказуемости и случайности. В эти сети неопределенности, непредсказуемости попадает прежде всего та часть общества, которая прошла социализацию «неопределенностью», т. е. молодежь, чья ценностная система находится в таком же аморфном состоянии, как и само переходное общество.

Из всего вышесказанного следует важный для современного понимания особенностей социализации молодежи вывод. С утратой авторитета и легитимности многих традиционных институтов и агентов социализации существенно возрастает роль самосоциализации молодежи. Молодежь как социальная группа становится ключевым субъектом социализации, и в определяющей степени от ее социальной, культурной, мировоззренческой идентичности зависит выбор социальных ценностей, моделей поведения, жизненных стратегий, которыми будет руководствоваться молодой человек, вступая во взрослую жизнь и интегрируясь в социальное сообщество.

Библиография

1. Горяева Т. Н. Социализация молодежи // Аспирант и соискатель. — № 2. — 2006. — 166 с.
2. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007.
3. Лисовский В. Т. Социология молодежи : учебное пособие. СПб., 1996. 141 с.
4. Топилина Е. С. Особенности социализации молодого поколения в современной России // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2006. — № 3 — 140 с.
5. Университет — среда социализации молодежи // Высшее образование в России. — 2006. — № 10 — С. 97–99.
6. Чупров В. И. Социализация молодежи в посткоммунистической России // Социально-политический журнал. — 1996. — № 6.
7. Arnold P., Bassand M., Krettas B., Kellerhals J. Jeunesse et societe. Lausanne, 2001.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

*ХАЛТУРИНА Наталия Андреевна,
аспирант кафедры рисунка и графики,
факультет изобразительных искусств,
Московский городской педагогический
университет
n-khalturina@mail.ru*

Роль и значение художественного образования в социально-политическом и духовно-нравственном развитии российского общества / Role and value of art education in socio-political and spiritually-moral development of Russian society

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме духовно-нравственного воспитания. Рассматривается социально-культурная ситуация в стране и перспективы для гармоничного развития российского общества. Раскрываются основные приоритеты и способы формирования личности учащихся в художественной школе на основе приобщения к традиционной культуре через искусство.

Ключевые слова

Духовно-нравственные традиции; изобразительное искусство; культура; мировоззрение; формирование личности учащихся.

Annotation

The article is devoted to a problem of spiritually-moral education. The welfare situation in the country and prospects for harmonious development of the Russian society are considered. The basic priorities

and ways of formation of the individuality of pupils at art school on the basis of familiarizing with traditional culture through art are presented.

Keywords

Spiritually-moral traditions; culture; formation of the individuality of pupils; outlook; the fine arts.

В настоящее время «сильные государства с целью увеличения своего авторитета, достижения тех или иных интересов системно, с использованием манипулятивных технологий внедряют свои культурные идеалы, образцы, принципы среди граждан других стран, что в конечном итоге ведет, с одной стороны, к установлению духовной, культурной, моральной и нравственной зависимости, с другой — способствует разрушению традиционных духовных, культурных нормативов, приводит к деградации национальной культуры, индивидуального и общественного сознания»¹. В России остро стоит проблема кризиса культуры. Сегодня серьезную угрозу духовному пространству страны представляют активная модернизация, охватившая все структуры, насильственное внедрение заимствованных американских и западных моделей экономического, политического, культурного развития. Происходит разрушение традиционных ценностей и национальных традиций, манипулирование населением через различные СМИ, «целенаправленное навязывание асоциальных и противоправных эталонов и стилей жизни...»². Под угрозой разрушения самобытность, основы духовной культуры, ее безопасность, вследствие чего — разложение нации и гибель государства. Поэтому в образовательной политике государства особенно приоритетной является проблема нравственного воспитания и духовных ориентиров молодого поколения России. Без укрепления духовных начал нашей жизни, ее нравственных основ невозможно поступательное развитие российского общества.

Все более очевидным становится тот факт, что ретроспективный взгляд на духовно-нравственные традиции оказывается перспективным для гармоничного развития российского общества, его

¹ Сергеев В. К., Сергеев В. В. Российская культура. На рубеже, на грани, на перепутье? // Научное издание. М. : Серебряные нити, 2008. 520 с.

² Там же.

целостности и стабильности, что эти ценности могут стать не препятствием дальнейшей модернизации страны, а ее органической основой. В настоящее время актуальной является проблема формирования личности молодого человека на основе духовно-нравственных традиций, которым уделяли пристальное внимание лучшие писатели, философы, художники России, воспитание высококультурного, творческого человека.

Россия нуждается в национальном воспитании русского (российского) духовного характера, основу которого составляют любовь к Отечеству, а также гражданская ответственность перед ним, национальный дух, справедливость, вера, совесть, честь. Сегодня же духовная среда нашего общества не способствует нравственному воспитанию детей.

Также важна реализация принципа толерантности, его вхождение в пространство российского общества, что связано с определенными факторами: справедливостью, социальным престижем, социальной стабильностью и порядком, социальной активностью. В обществе необходимы культурные эталоны, базовые ценности, что обеспечит чувство стабильности. Базовые ценности являются основой культурной идентичности, однако ситуация осложняется влиянием фактора глобализации. Современная культура базируется на национальных особенностях, на специфике интеллектуальной деятельности, характере и содержании художественного творчества.

В современном государстве существует недооценка в социальной практике роли художественной культуры как влиятельного фактора динамического развития общества в соответствии с настоящей концепцией развития образования и общества. Художественное образование и художественная школа обладают мощным воспитательным потенциалом — средствами искусства, рисунка, живописи, композиции, различных декоративно-прикладных дисциплин, используя труды наших лучших философов, мастеров живописи и наследие национальной культуры, развивая у учащихся устойчивый интерес к художественной культуре и оказывая большое влияние на формирование их мировоззрения. Русские писатели и художники в своем творчестве опирались на опыт поколений, на опыт народа. Это была духовность, основанная на преемственности поколений. И потому так важны вечные сюжеты, в которых заключены истины непреходящие. Их мы должны постигать в течение всей своей жизни. Память о прошлом для каждого человека, для каждого народа — это земля,

на которой он стоит, более того, из которой он вырастает. Человек, забывая о своих предках, об истории своей страны и всего человечества, не может стать человеком духовной культуры.

В сочинении Ломоносова звучит похвала истории: «...она дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное»¹.

Похвала истории находит широкий отклик и у Карамзина. Он, как и Ломоносов, обращал особое внимание на сюжеты отечественной истории: «...имя русское имеет для нас особенную память: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сиципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает отечество, где живем и чувствуем»². Интересно, что Карамзин, подобно Ломоносову, представлял прошлое в виде картин: «Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами»³. При этом Карамзин отмечал особенную творческую силу истории (а следовательно, и картин исторического жанра) воскрешать минувшее во всем жизненном многообразии. Поэтому следует уделять исторической картине особое внимание.

Процесс становления мировоззрения связан с формированием сознания личности, ее убеждений и установок. Воспитание носит непрерывный характер, начиная с раннего возраста (подготовительные группы), продолжается в старших классах школы, а затем и в высших учебных заведениях.

С учащимися работают высококвалифицированные педагоги, обучающие и воспитывающие подрастающее поколение в духе уважения к культурным традициям, патриотизма и понимания ценности прекрасного.

¹ Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и Королевской шведской академии наук // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. М. : Альфа-книга, 2011. Т. 1.

³ Там же.

Перед преподавателями художественных школ стоят следующие задачи:

- эффективное обучение учащихся профессиональным знаниям, мастерству;
- идейно-воспитательная работа;
- рост сознательности, убежденности, социальной активности личности учащихся.

Художественная школа, обучая изобразительному искусству, ставит своей целью помочь ученику развить себя как свободную, духовно богатую, разносторонне развитую, яркую личность, искренне любящую свое Отечество. Общение с искусством позволяет учащимся открывать в себе новые чувства и мысли, способность к сопереживанию и сочувствию. В процессе изучения языка искусства, его изменений ученики получают ключ к изменениям глубинным — перед ними раскрываются сложные духовные процессы, происходящие в обществе и культуре. Основой в воспитании такой личности являются национальные духовно-нравственные традиции народа. Россия является многонациональным государством, поэтому в художественных школах различных регионов должны учитываться духовно-нравственные традиции коренных жителей. Выдающийся педагог К. Д. Ушинский писал: «Дух школы, ее направление, ее цель должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно истории нашего народа, степени его развития, его характеру, его религии. Постигая отечественную культуру, связанную непосредственно с духовным опытом, школьник придет к осмыслению того, в какой стране он живет, какие ценности отстаивали его предки»¹. Поэтому в духовно-нравственном воспитании учащихся в художественной школе первостепенное значение имеет:

- наличие духовной атмосферы в школе;
- постижение духовно-нравственной культуры невозможно представить без светящейся души педагога, его вдохновения, его веры в ученика;
- важно начать вместе с воспитанником его духовный путь. Учитель, владеющий самыми современными методиками, но не вкладывающий душу в своих учеников, не сможет раскрыть в них духовно-нравственные начала.

¹ Исаев Л. И. К. Д. Ушинский — основатель русской дидактической и методической школы. М. : Ин-т общего образования, 1999. 352 с.

В основе нашего образования и воспитания лежит любовь к России, идеал служения Родине и народу, что составляет ядро патриотического воспитания и нравственную основу государственной идеи.

Обучаясь в художественной школе, ученики посещают занятия по истории искусств, на которых большое внимание уделяется национальному искусству, а также изучается мировое искусство различных эпох. А на занятиях рисунком и живописью ученики познают культуру той страны и эпохи, в стиле и образе которой составлен, например, натюрморт. Тематика русского натюрморта повторяется на протяжении всего обучения в школе, наиболее полно отражая самобытность русской культуры с древних веков по настоящее время.

Художник должен обладать развитым умом, способным глубоко и самостоятельно мыслить, горячим сердцем и неугасающим вдохновением. Для воспитания такой личности преподавателю нужно творить с учениками композиции на патриотические темы. Композиция является средоточием идейно-творческого начала в изобразительном искусстве. Через композицию выражается отношение художника к миру, его понимание мира. Но работу над композицией нельзя рассматривать как свободное рисование, основанное главным образом на инициативе самих учащихся. Самостоятельность учащихся, их инициативу и изобретательность в работе над композицией педагог должен еще воспитать, и поэтому его роль очень велика на всех этапах работы ученика над композицией, начиная от замысла и кончая выполнением.

За время работы с учениками (автор статьи преподает рисунок, живопись и композицию в художественной школе) выработалась некоторая последовательность работы над композицией, основа которой — образ, идея и «погружение» в эпоху.

Задача преподавателя — дать идею, очертить проблему, которую ученик с интересом будет решать во время всей работы над композицией, а учащемуся предоставляется возможность выбрать сюжет, который его особенно волнует.

Выражая свою тему в конкретных зрительных образах, юный художник создает определенную обстановку, в которой разворачивается событие, разрабатывает все ее характерные подробности, подчиняя их основной задаче — выразить содержание темы. Каждая работа учащегося есть результат погружения в эпоху, изучения культурных традиций и мастерства предыдущих поколений.

В процессе поиска образа учащиеся перерабатывают большое количество художественной и исторической литературы, посещают музеи, подбирают наглядный материал и ориентируются на колористическое, композиционное решение произведений великих русских мастеров.

Для большего воодушевления и осознания всей серьезности и важности работы необходимо участие творческих работ юных художников в школьных, районных, городских выставках-конкурсах и фестивалях на патриотическую тематику, например таких как «Золотая кисточка», «Фестос», «Красота Божьего мира», «Светлый праздник Рождества», «Святые заступники Руси», «Восточный округ — жемчужина Москвы».

Такой метод работы над тематической композицией в художественной школе автор использует в своей педагогической практике. И ученики действительно с большим интересом и воодушевлением выполняют поставленные перед ними задачи. Появляется мотивация в работе с историческим и изобразительным материалом, активно развиваются наблюдательность и зрительная память, прививается интерес к глубокому изучению культуры, появляется чувство ответственности и значимости. В итоге мы получаем ряд неординарных, сложных, эмоциональных композиций, многие из которых занимают призовые места на районных, окружных, городских выставках-конкурсах, учащиеся получают награды. В 2009 году ученица автора статьи Савельева Лида получила Гран-при на выставке «Восточный округ — жемчужина Москвы», в 2010 году Алексеев Глеб занял первое место на выставке-конкурсе «Восточный округ — жемчужина Москвы», в 2011 году Авдошина Оля заняла первое место в младшей группе на Международной выставке-конкурсе «Золотая кисточка», которая проходит ежегодно в ЦДХ. География выставки очень обширна — охватывает Россию, ближнее и дальнее зарубежье. Темы конкурса, в основном исторического характера, всегда очень интересны, разнообразны и патриотичны. В 2012 году представлены темы Отечественной войны 1812 года и 770-летие битвы великого князя Александра Невского с Ливонским орденом на льду Чудского озера. Таким образом учащиеся получают возможность пройти по страницам нашего богатого прошлого. Работа над исторической картиной необходима для более полного понимания тем, раскрывающихся на уроках истории, литературы, музыки. Все это помогает воспитать любовь к Отечеству, природе, выработать куль-

туру и духовность. В таких произведениях мы отражаем крупные исторические события, мелкие, частные эпизоды, деяния выдающихся личностей, а также нравы, обычаи и быт людей, живших в далеком прошлом.

Надо сказать, что историческая живопись включает в себя разнообразные жанры и сюжеты, основные из которых:

- библейский жанр, создающий образы людей и событий, взятых из священной книги — Библии;
- сюжеты, взятые из жизни святых, дающие нам пример высочайшей духовности;
- мифологические сюжеты, изображающие былинных и сказочных героев;
- сюжеты бесстрашного принятия смерти, рассказывающие о подвигах и героизме нашего народа;
- сюжеты на тему верности в любви;
- социально-исторические произведения;
- исторический портрет;
- исторический пейзаж;
- историческая живопись — иконопись.

Исторический живописец находит в прошлом примеры героических поступков людей, значительных событий, открывает важнейшие страницы истории, получает пример для подражания, что очень важно в воспитании учащихся. В процессе работы над такими произведениями мы понимаем, что нашим предкам часто было нелегко, но они собрали все силы и выстояли. Значит, и мы сможем выстоять.

Дополнительное художественное образование как особый механизм трансляции гуманитарных ценностей, сохранения и воспроизводства культурных традиций несет в себе целый ряд специфических функций. Это обусловлено главным образом его возвышенным содержанием — сосредоточением художественного, духовно-нравственного опыта человечества. Познавательная функция художественного образования реализуется через систематическое приобретение знаний о разных видах искусства, проникновение в сущность художественно-образного отражения реальной действительности, постижение закономерностей искусства как формы общественного сознания. Художественное познание мира раскрывает растущему человеку истинное и ложное, помогает в освоении «законов красоты» различных областей жизни и явлений, формирует основы художественного мышления. Вдумчивое проникновение в ценностное

содержание мирового духовного наследия, «живое созерцание» помогает новому поколению понять смысл и предназначение искусства, природу художественной деятельности, бесконечность процессов человеческого творчества.

Библиография

1. Исаев Л. Н. К. Д. Ушинский — основатель русской дидактической и методической школы. М., 1999.
2. Зорилова Л. С. Поиск духовных идеалов личности в науке, культуре и музыкальном искусстве. М. : Альма Матер, Академический проект, 2008, 253 с.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2011. Т. 1.
4. Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. М. : Мысль, 1990. Т. 9.
5. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и Королевской шведской академии наук // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983.
6. Проблемы композиции : сборник научных трудов / Под ред. В. В. Ван-слова. М. : Изобразительное искусство, 2000. 292 с.
7. Сергеев В. К., Сергеев В. В. Российская культура. На рубеже, на грани, на перепутье? // Научное издание. М., 2008.
8. Соловьев В. С. Оправдание добра // Сочинения в 2-х т. М. : Мысль, 1988.

АСПЕКТЫ

*АНИСИМОВА Светлана Александровна,
кандидат политических наук, доцент,
Институт переподготовки и повышения
квалификации руководящих кадров
и специалистов
системы социальной защиты
населения города Москвы
anislana2009@mail.ru*

Культурно-духовные традиции и инновации (политологический аспект) / Cultural-moral traditions and innovations (politological aspect)

Аннотация

В статье представлено авторское исследование взаимосвязи культурно-духовных традиций и инноваций в политическом процессе современной России. Анализируя значение культурно-духовных традиций, автор констатирует, что традиции без постоянного развития превращаются в догму, регресс, ибо не могут существовать без инноваций, являющихся важнейшим условием их развития. Проведенный анализ показывает, что для укрепления политического процесса современной России взаимодействие традиции и инновации должно подчиняться национальным интересам государства и его народа.

Ключевые слова

Культурно-духовные традиции; инновации в политическом процессе; Россия.

Annotation

This article presents the author's research of linkage between cultural-moral traditions and innovations in political process of modern

Russia. Analyzing the value of cultural-moral traditions, the author finds that traditions turn into dogma without constant development. The carried out analysis suggests that interaction of tradition and innovation should submit national interests of the state and its people.

Keywords

Cultural-moral traditions; innovations in political process; Russia.

В настоящее время, когда на наших глазах разрушаются государства, поглощаясь глобальным миром, господствуют информационные технологии, манипулирующие сознанием людей, осуществляется подмена национальных ценностей, особое значение приобретают культурно-духовные традиции, являющиеся хранителями самоидентичности, суверенитета, национальной безопасности государства.

Государство, заинтересованное в своем будущем, уделяет огромное внимание сохранению и развитию политических, социально-экономических, культурно-духовных традиций. Последние играют особую роль в истории государства, ибо являются его сакральной частью, обеспечивая жизнедеятельность государства даже тогда, когда все остальные либо уничтожены, либо находятся в состоянии глубокого кризиса. Ярким примером этого является история Древнего Рима. Начиная с I в. н.э., Рим переживал кризис во всех сферах развития, но до тех пор, пока были живы языческие культурно-духовные традиции, империя существовала. Отказ от них и официальное принятие в 325 г. императором Константином христианства и его ценностей привело к гибели римской языческой цивилизации, не сумевшей синтезировать рожденные в иной духовно-культурной среде христианские ценности, варвары лишь завершили этот определившийся процесс. Христианство оказалось не совместимым с языческими традициями и ценностями Римской империи. Понадобилось не одно столетие, прежде чем на осколках некогда могущественного государства родилась новая цивилизация с уже иными традициями.

Противоположным примером является Древняя Русь, которая не отторгла язычество, а синтезировала его с новыми христианскими ценностями, что позволило родиться такому уникальному явлению, как русское православие.

Сохранение и развитие культурно-духовных традиций носят политический характер и относятся к проблемам национальной безопасности государства, ибо бездумное «редактирование» или придание забвению одной из них ведет к уничтожению других, составляющих единое исторически сложившееся целое. Государства, осознающие это, даже достигая высоких постиндустриальных показателей, бережно оберегают свои традиции, кажущиеся извне историческими рудиментами, противоречащими современному уровню развития, но внутренне являющимися именно теми цивилизационными ДНК, которые обеспечивают высокие показатели развития и прогресс. К таким государствам можно отнести Японию, Англию, некоторые скандинавские страны, которым периодически навязываются провокационные предложения и дискуссии по корректированию или даже уничтожению существующих традиций, но, к счастью, у государственной элиты этих государств хватает мудрости и мужества пережить данные вызовы, а значит — отстоять цивилизационное будущее своих государств.

Культурно-духовные традиции — это традиции в области культуры и духовности, составляющие важнейшую основу политического процесса государства, позволяющие сохранить самоидентичность, независимость, способствующие национальной безопасности России.

Однако, говоря о роли и значении традиций, следует иметь в виду, что традиции без своего постоянного развития превращаются в догму, регресс, ибо традиции не могут существовать без инноваций, являющихся важнейшим признаком их развития, но при важнейшем условии, если они не уничтожают их сущностные основы, а, напротив, обогащают, способствуя дальнейшему прогрессивному развитию.¹

В этом смысле культурно-духовные традиции выступают как единство преемственности и обновления, предполагающие, с одной стороны, использование культурно-духовных ценностей, накопленных предками и сохраненных потомками, а с другой — изменение существующих традиций и отторжение того, что не соответствует времени.

¹ «Инновация (нововведение) — конечный результат инновационной деятельности, получившей реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности». Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы, одобренная Постановлением Правительства РФ от 24.07.1998 № 832.

Если традиция необходима для поддержания политического процесса, социума, то инновация — для их развития. «Новация», «инновация», «обновление» составляют ряд близких терминов, противоположных понятию «традиция». Инновации в культуре могут возникнуть, если проблемы решаются на основе нового способа идентификации, которые вначале возникают как способ, реализующийся через особый способ выделения себя из мира отдельным человеком (или группой), что позволяет мыслить по-новому. Инновации могут быть приняты или отвергнуты: принятие означает, что новый способ выделения человека из мира идентифицирован и они получают распространение среди носителей культуры. «Новаторство» употребляется для обозначения творческой, продуктивной деятельности, поиска нового и противопоставления традиции как механизму стереотипизации в решении репродуктивных социальных задач, когда новаторство и традицию противопоставляют.

В последнее время в науке традицию рассматривают в динамике, как постоянно трансформирующееся явление. Проявление закона перехода количественных изменений в качественные может быть проиллюстрировано процессом обновления традиций, для которых характерна постоянность.

Можно выделить 4 формы, стадии реакции традиций на какие бы то ни было инновации:

1. противодействие,
2. сосуществование,
3. смещение,
4. превращение.¹

Умение принимать и усваивать инновации обеспечивает жизнеспособность традиции. Взаимодействие традиции и инновации носит противоречивый характер и осуществляется следующими путями:

- через механизм подражания, в результате «мирного» или «насиленного» проникновения элементов одной культуры в другую;
- через синтез или использование заимствований в соответствии с традиционными нормами.

В одних случаях традиции сохраняются в неприкосновенности, а инновации служат дополнением к ним, в других — традиции переформируются, редуцируются и могут возрождаться в кризисные

¹ Першиц А. И. Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования // Народы Азии и Африки. — 1981. — № 5. — 81 с.

периоды развития общества (после распада СССР происходит возрождение многих традиций, в частности религиозных).

В процессе культурного воспроизводства традиции и инновации выступают как взаимодополняющие явления, в единстве которых может протекать процесс. Традиция была когда-то инновацией, многие инновации могут стать традициями. Инновационная динамика ограничена тем, что все нововведения проходят отбор с точки зрения соответствия их ментальным установкам и традиционным ценностям общества и принимаются или отвергаются в зависимости от того, насколько высок инновационный потенциал культуры. Например, в настоящее время в Россию проникают традиции, созданные в иной культурологической среде, — восточные культы, учение так называемых христианских сект, не только не соответствующих сакральным основам христианской, другим традиционным религиям и конфессиям, но и оказывающих разрушительное на них воздействие. Такие «традиции» не могут быть приняты, ибо их внедрение ведет к разрушению национальных традиций, базисных ценностей. Любое государство, заинтересованное в своей независимости, сохранении самобытности, должно на законодательном уровне пресекать подобное разрушение.

Взаимодействие традиции и инновации как базисных механизмов социокультурного развития в современном глобализирующем обществе трансформируется. Разрушительный характер процессов неограниченной модернизации указывает на то, что традиции — это не только ограничивающий, стабилизирующий элемент культуры, но и основа процесса обновления культуры.

При всей оппозиционности по отношению друг к другу традиция и инновация взаимосвязаны: ни одна инновация никогда не остается новшеством долгое время, ни одна традиция не является традицией изначально, а возникает из инноваций. Любая инновация либо приживается в культуре, становясь традицией, либо отмирает. Умение принимать и усваивать инновации обеспечивает жизнеспособность традиции. Если инновация не имеет шанса укорениться в культуре в виде традиции, то она все равно выполняет в этой культуре роль, расшатывая устои традиции, самим своим существованием, показывая ее уязвимость.

Динамическая связь между традицией и инновацией осуществляется исходя из следующих факторов:

- внутренних и внешних факторов развития человеческого общества и его связей с внешним миром (природой и космосом);
- склонности традиций к изменениям;
- учета традиций социальных, профессиональных, религиозных, конфессиональных групп, этносов, народов, наций;
- изучения доминирующих парадигм развития науки, культуры, права, экономики, общества, государства.¹

Инновации могут быть двух типов:

- экзогенные — заимствованные из других культур;
- эндогенные — возникают в данной среде без влияния извне.

Культурная трансформация осуществляется через введение инноваций и может происходить тремя способами:

1) *спонтанная трансформация* — инновация возникает внутри культуры за счет факторов ее собственного развития без влияния извне (направления в искусстве, литературе);

2) *стимулированная трансформация* — инновация, не являясь прямым заимствованием из другой культуры, возникает под косвенным воздействием внешних обстоятельств (изменения в ценностных ориентациях, связанные с распространением зарубежных влияний в культуре);

3) *заимствование* — инновация, связанная с прямым внешним воздействием (секты, письменность, слонги, заимствование письменности).²

Способность цивилизации, этноса к обновлению во многом определяет саму возможность развития культуры. Так, если объективные и субъективные факторы создают в обществе условия, потребности, которые не могут быть удовлетворены на основе традиций данной системы, то это способствует либо их трансформации, либо замещению традиций инновациями, причем одно изменение ведет к изменению других традиций.

Менталитет этноса является причиной того, что в нем приживаются не все инновации. Все нововведения проходят отбор с точки зрения их согласованности или несогласованности с ментальными установками и традиционными ценностями и принимаются в зависимости от того, насколько инновация соответствует традиции.

¹ Инновации и традиции: метафизические и феноменологические аспекты управления. Орел : Изд-во ОРАГС, 2006. 17 с.

² Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. — 1982. — № 1.

Инновации выполняют определенные функции, к которым относятся:

— *утилитарная функция* — приспособление к культуре и нуждам общества (отбор инновации вначале происходит в рамках узкого круга специалистов, например технологии художников эпохи Ренессанса);

— *престижно-знаковая функция* — усвоение инновации высшими кругами придает ей престижно-знаковый характер, и она распространяется на другие слои общества.

Инновация в культуре (например, джаз — в музыке, импрессионизм — в искусстве, музыка А. Шнитке, балет М. Бежара), как правило, приживается сложно, ибо ее вхождению всегда препятствуют традиционные представления, принятые в обществе. Инновация вначале воспринимается как «изъян», нарушение принятых в данном обществе правил (христианство, ислам — в языческом мире). Для утверждения инновации необходимо несколько поколений людей, принявших и привыкших к ней.

Внедрение инновации в культуру происходит с помощью следующих способов и механизмов:

— *закон подражания* — предполагает инокультурные инновации, если культура сразу не отвергает инновационное, то она старается нетрадиционное модифицировать, адаптировать к национальным особенностям, привычным стандартам;

— *закон противопоставления* — функционирует в динамично развивающихся культурах, предполагает отторжение опыта предыдущего поколения и возвращение более раннего опыта в сочетании с какими-либо новыми элементами.

В обоих случаях инновации сосуществуют с традиционными элементами культуры, которые для большинства членов этноса являются приоритетными, причем «полупризнанных» инноваций может существовать одновременно много (например, джаз как музыкальное направление, кинематографические приемы А. Тарковского, театральные подходы Ю. Любимого и др.). Постепенно они начинают восприниматься уже спокойно, образуя вокруг себя все новые и новые модификации. Наконец наступает момент, когда сама инновация или ее модификация занимает место традиции, после чего ее новизна воспринимается членами общества как нечто положительное.

*Инновация, входя в культуру, проходит следующие стадии:*¹

селекция — отвержение одних инноваций (внутренних или привнесенных извне) и отбор других для последующего усвоения или переработки, критерием отбора является возможность совмещения ее с традициями культуры;

воспроизведение (копирование) — ранняя, «пробная» стадия вхождения инновации в культуру, нововведение принимается экспериментально, с одной стороны, целиком без изменений, а с другой может ограничиться кратковременной модой в определенных слоях общества и затем исчезнуть, если она идет вразрез с тенденциями данной культуры (увлечение каким-либо музыкальным направлением);

приспособление, или модификация, — если инновация не воспринимается отрицательно, то начинается процесс ее модификации, приспособления к особенностям данной культуры, процесс носит двусторонний характер — в нем изменяется не только сама инновация, но и традиция, происходит отфильтровывание шаблонов, не соответствующих требованиям новых эталонов;²

структурная интеграция — превращение инновации в часть этнической традиции, что приводит к тому, что некогда заимствованный из другой культуры элемент может стать своеобразным признаком, знаковым выражением данной культуры или определенной субкультуры в ее составе.

Некоторые исследователи выделяют этапы возникновения, развития, угасания инновации:³

— начальный этап — медленный разгон, выбор пути из альтернативных вариантов;

— этап быстрого роста системы, ее экспансии;

— этап экспоненциального роста, характеризующийся быстрой трансформацией пространства и его структуры;

— этап детерминированной энергии, в которой программа системы эффективно работает;

— этап стагнации, характеризующийся тем, что сопротивление окружающей среды уравнивает исходный импульс развития;

¹ Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. — 1982. — № 1.

² Ширшов И. Е. Динамика культуры. Минск, 1980.

³ Бабуринов В. А. Инновационные циклы в российской экономике. М. : Едиториал УРСС, 2002. 120 с.

— этап деградации, для которого характерно снижение конкурентных возможностей структур, созданных данной инновацией, все более частые нарушения индивидуальной ритмики, постепенное выпадение отдельных подсистем, при этом:

система при отсутствии сильного давления может существовать долгое время;

при наличии сильного внешнего давления, более сильного, чем способность системы к самосохранению, она гибнет, но возрождается в качестве ресурсной составляющей иных систем, вовсе не обязательно более организованных и относящихся к данному классу;

— этап депрессивного состояния, для которого свойственны функционирование открытой системы по сценарию закрытой и нарастание энтропии.

Таким образом, традиция не является догмой, она, сохраняя свою сакральную основу, определяющую самоидентичность государства, общества, постоянно развивается, проводя своеобразный естественный отбор инноваций, соответствующих или не соответствующих ее ментальности. Государство, заинтересованное в своем суверенном будущем, способствуя развитию традиции, должно создавать правовые условия для защиты государства от разрушительных инновационных технологий, направленных на уничтожение его самоидентичности, растворение в глобальном мире. Вот почему взаимодействие традиции и инновации должно подчиняться национальным интересам государства и его народа.

Библиография

1. Аллахов В. Д. Традиции и общество. М. : Знание, 1982. 236 с.
2. Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М. : Алгоритм, 2004.
3. Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. — 1982. — № 1.
4. Ачкасов В. А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004.
5. Бабурин В. Л. Инновационные циклы в российской экономике. М., 2002.
6. Бондырева С. К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества. М., 2004. 280 с.
7. Ерасов Б. С. Традиция и новация в социокультурном процессе : реферат. сб. М. : ИНИОН, 1998.

8. Инновации и традиции: метафизические и феноменологические аспекты управления. Орел, 2006.

9. Каиров В. М. Традиции и исторический процесс. М. : Луч, 1994.

10. Капчеля В. И. Национальные традиции: сущность, генезис, перспективы развития. Кишинев, 1991.

11. Козеллик Р., Вернер К. Традиция и инновация. М., 2003.

12. Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы, одобренная Постановлением Правительства РФ от 24.07.1998 № 832.

13. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. — 1981. — № 2.

14. Михайлова Н. В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права. М. : ЮНИТА-ДАНА, 2009.

15. Першиц А. И. Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования // Народы Азии и Африки. — 1981. — № 5.

16. Першиц А. И. Традиции и культурно-исторический процесс // Народы Азии и Африки. — 1981. — № 4.

17. Плахов В. Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования. М. : Мысль, 1991.

18. Рассадина Т. А. Традиционные ценности: к вопросу о понятии // Вестник МГУ (Сер. «Социология и политология»). — 2004. — № 3. С. 80–96.

19. Стребков В. А. Традиции и новации в общественном развитии. М., 2005.

20. Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М. : ГАСК, 2000.

21. Традиция и новация в социокультурном процессе : реферативный сб. М., 1989.

22. Черепанова Н. В. Сущность и значение новаций в общественном развитии // Федерация. — 2006. — № 12.

23. Ширшов И. Е. Динамика культуры. Минск, 1980.

24. Шушарин А. С., Шушарина О. П. Диалектика традиций и новаций // Традиции и инновации в духовной жизни общества. М., 1986.

*ЛАГУТЕНКОВА Вера Анатольевна,
аспирант, кафедра теории и истории
искусства, Московский государственный
академический художественный
институт им. В. И. Сурикова
veralagutenkova@yandex.ru*

Актуальность жанра натюрморта с точки зрения его персонифицирующей функции (на материале 2000-х годов) / Topicality of still-life genre from the point of view of its personifying function (on the materials of 2000-s)

Аннотация

Статья посвящена персонифицирующей функции современного натюрморта, так называемого натюрморта-портрета. Опираясь на исторические и социокультурные данные, а также на анализ конкретных произведений живописи, автор прослеживает особенности заявленной функции, раскрывая специфику и актуальность современного жанра натюрморта.

Ключевые слова

Натюрморт; «натюрморт-портрет»; предмет; «Бубновый валет»; «суровый стиль»; «крупный план»; репрезентация личности; знак; компаративный подход; видеоролик.

Annotation

This article deals with personifying function of modern still-life: so called still-life — portrait. Basing on historical and sociocultural data and on the analysis of certain paintings, the author traces the

peculiarities of the declared function revealing the specificity and topicality of modern still-life genre.

Keywords

Still-life; «still-life — portrait»; subject; «Bubnovy valet»; «severe style»; «close-up»; personality representation; sign; comparative approach; video clip.

Статья посвящена взаимоотношениям предмета и человека на примере жанра натюрморта 2000-х гг. в контексте отечественной изобразительной традиции, поскольку натюрморт по факту своего существования организует в пространстве картины материальный эквивалент своего времени. Речь идет о бытовых предметах как о живом свидетельстве эпохи, фиксирующем уровень человеческого сознания и технического развития в конкретный исторический период, а также о сферах воплощения современного натюрморта. Предметы служат человеку для тех или иных целей и соответственно духу времени, подчиняясь общему уровню сознания, становятся показателями персонального статуса, то есть неким ключом, который приоткрывает завесу функционирования механизмов в социуме. Бытовой предмет имеет отличную от человеческой жизни временную природу, он сопровождает человека с момента его рождения и продолжает существовать после смерти хозяина.

Натюрморт является именно тем жанром живописи, который ведет летопись жизни предметов в мире человека. И его роль трудно переоценить, поскольку функции натюрморта на сегодняшний день крайне многогранны. Важнейшая из них — репрезентация человеческой личности — проявляется во вспомогательном аспекте (в качестве «обстоятельства места» в портрете, жанровой картине) и как самостоятельный жанр.

Натюрморт развивается соответственно укладу в стране, социальным установкам, средствам коммуникации, моде. Повышенная мобильность в реакции на окружающую действительность, заложенная в самой основе постсезанновского когнитивного контекста понимания этого жанра, проявляется в активном диалоге с заимствованием сюжетов и технического исполнения из других областей культуры и массмедиа, что влияет на эстетические качества и на смысловое прочтение натюрморта. Необходимо отметить, что изначально традиционный жанр натюрморта дает композиционную ос-

нову для построения изображений рекламы какой-либо продукции и рекламных видеороликов, стимулирующих приобретение продуктов потребления, а на сегодняшний день, выходя за рамки живописной традиции и находя свое воплощение в других сферах изобразительной практики, он оказывает на традиционные формы жанра обратное воздействие в плане инструментария (фото, ракурс). Компаративный подход позволяет суммировать обнаруженные закономерности исследуемой персонифицирующей (репрезентирующей человека) функции жанра.

Необходимо подчеркнуть мобильность традиционного жанра натюрморта в реакции на окружающую действительность, чем объясняется его актуальность и перспективность. Способность натюрморта к активному отклику на происходящие изменения в обществе объясняется прежде всего его практической простотой исполнения — именно на натюрморте художник на этапе обучения получает основные профессиональные навыки. Тем свободнее эксперимент с той формой, которая хорошо знакома, которой просто оперировать. Поэтому наиболее свободны поиски живописно-пластической выразительности именно в жанре натюрморта, так как убедительно изобразить, скажем, крынку или яблоко может каждый, кто владеет азами изобразительной грамоты.

Живописные натюрморты 2000-х гг. (на примерах творчества И. Лубенникова, А. Пашкевича и В. Любарова как наиболее последовательных выразителей своего времени) в организации пространства, тщательном отборе предметов, подаче этих предметов зрителю, мощном пластическом обобщении выбранных объектов, вплоть до состояния узнаваемого знака, характерных зонах «большой формы», декоративности локальных цветовых зон, а также цельности содержательной структуры полотна обнаруживают связь с творческим опытом общества «Бубновый валет» (1910-е гг.) и поисками представителей «сурового стиля» 60-х гг. XX в. Синхронно-диахронический метод, позволяющий сравнивать основные тенденции мировоззрения 2000-х относительно периодов 1910-х и 1960-х гг., выявляет общность предпосылок к закономерности развития их живописно-пластического языка. Именно времена социальной и политической нестабильности в обществе, которыми являются упомянутые периоды, ведут к поиску выразительной обобщенной и понятной «детали», своеобразного «крупного плана» в искусстве. В том числе это происходит от изменения осознания своего места в мире: смена

мироощущения художников «Бубнового валета» с их переработкой творческого наследия европейских коллег и изменившегося социального устройства в стране; затем 1960-е и чуть приоткрывшийся «железный занавес», который стал менять мышление нашего соотечественника в период «оттепели». До этого момента люди мыслили масштабами союзных республик и стран соцлагеря, затем границы самоощущения стали обозначаться на карте самосознания несколько иначе. А на данный момент, благодаря Интернету и глобализации, перевернувшей парадигму мироустройства, современный человек мыслит категориями земного шара. Нивелируются границы, стираются черты национального своеобразия, меняется язык; стандарты и каноны навязываются и становятся всеобщими. Это применимо и к изобразительным нормативам, поскольку 90% информации воспринимается визуально. И современные живописно-пластические средства также меняются под внешним воздействием глобализации.

В данной статье используется для анализа материал современного отечественного натюрморта с точки зрения взаимодействия в нем предмета и человека как основных показателей субъект-объектных отношений. Рассмотрение персонифицирующей функции жанра учитывает контекст исторический и культурологический, поскольку именно сфера натюрморта являет нам специфику репрезентации человеческой личности посредством объектного мира («натюрморт-портрет»). «Натюрморты, организованные по принципу театральной сцены или портрета, сюжетно-тематической картины или введенные в полотно соответствующего жанра, являются великолепным, иногда главным средством социальной характеристики персонажей (даже если последние отсутствуют на полотне)»¹.

2000-е гг., так же как 1910-е и 1960-е, имеют в художественной практике сугубо декларативный подход в области построения картины, в том числе в жанре натюрморта. Эти три отрезка времени особенно значимы для творческого опыта из-за их уникальной принадлежности к переломным периодам в мировоззрении вследствие политических, исторических, технических и социокультурных изменений.

Наш интерес лежит в области поиска емкой выразительной детали в живописи. Исследования в области эстетики, истории эстетики

¹ Черлинка Г. К. Натюрморт в советской живописи. М. : Знание, 1988. 56 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Искусство». № 5.) С. 24.

ческих учений и искусствознания как науки в XX в. рассматривают изобразительное искусство как «язык», как «текст» (Ж.-Ф. Лиотар). Это помогает прояснить функциональный аспект визуального искусства, в частности инструментарий натюрморта с точки зрения синхронно-диахронического подхода. Иными словами, при изучении интересующего нас предмета мы рассматриваем его с точки зрения развития во времени и одновременно исследуем контекстные особенности мышления каждого конкретного временного аспекта. Особое назначение изобразительного искусства как языка — быть средством коммуникации — ставит неперенным условием изучение и рассмотрение его как целенаправленной системы и как системы знаков. Под понятием «знака» в исследовании понимается «предмет» в жанре натюрморта. С определенной долей обобщения в современном мире между понятием «предмет» и «знак» можно поставить знак равенства. Подобное понимание предмета является закономерностью не только для сегодняшнего дня. Испокон веков владение ценностями разного достоинства становилось для окружения их обладателя знаком определенного к нему отношения.

Чтобы систематизировать натюрморт с точки зрения выявления его функции персонификации, мы назовем эту линию индивидуализации предмета борьбой за «крупный план» («close-up»), даже сверхкрупный план, что на профессиональном языке кино называется «деталью». В связи с этим интересно исследование российского философа, доктора философских наук, профессора, заведующего сектором аналитической антропологии Института философии РАН Валерия Подороги. В статье «Что такое nature morte?»¹ он рассматривает жанры живописи, в том числе натюрморт, как разноудаленные части мира под объективом некоей «оптической машины», раскрывая соотношение человека и предмета в современном мире и показывая отношение человека к предмету. С одной стороны, предмет как продукт массового производства теряет свою ценность, с другой — массмедиакультура пытается вернуть предмету его статусную значимость. «Современному человеку свойственна привычка к предвкушению того наслаждения, которое он сможет получить. Интерес вызывает сам артефакт (“полуфабрикат”), то есть вещь, существующая лишь во времени ее потребления (“медленного” или

¹ Подорога В. Что такое nature morte? Синий диван. Вып. 9. 2006. <http://sinijdivan.narod.ru/naturemorte.htm>

“быстрого”). Сама по себе вещь неинтересна»¹. Исследуя парадоксы современной антропологии, В. Подорога утверждает, что эпоха вещей закончилась, и сегодня мы уже не знаем, что такое вещь. В традиционном понимании предмет используется, служит, «стареет», но уж никак не может быть разрушен разовым потреблением. Однако «как не заметить в этом изобилии “битой дичи” или “охотничьих трофеев” того благополучия жизни, которой был зачарован состоятельный бургер или отечественный мещанин»². Именно эту гедонистическую философию вещи и пытается вновь закрепить современный натюрморт, возвращая предмету иллюзию его значимости, ценности, концентрируя внимание к предмету как к «знаку». Тем не менее тема изобилия в натюрморте находит свое воплощение не в традиционном жанре натюрморта, выполненного маслом на холсте, а в сфере вывески и видеопрезентации (рекламе). В живописи же больше доминирует любование отдельно взятым объектом.

Натюрморты 2000-х демонстрируют зрителю иероглифическую ясность, прочитываемость объекта, являющего его внеконтекстную самостоятельность, формальную свободу от нарратива. Предмет в натюрморте, очищенный от гедонизма авторской маэстрии, при изучении непосредственно поверхности все больше подчеркивает свою знаковую сущность, предполагающую ассоциативную доработку образа зрителем: «Ностальгия по красному или постсоциалистический натюрморт» (2010), «Достаток» (2010), «Огонь, вода и медные трубы» (2010) И. Лубенникова. Не обходится без пресловутой иронии, игры в слова, в понятия. «Апокалиптический натюрморт» (2003), например, останавливает зрителя формулировкой названия. Лапидарная подача предметов в натюрморте отличается определенной эстетизацией, казалось бы, вполне прозаичных объектов. По сравнению с натюрмортами И. Лубенникова, «суровый» быт «Картошки» (1955) Р. Фалька (по словам П. Никонова, «лучшее, что было написано о войне»), несмотря на схожий композиционный фронтальный подход, показывает предмет не как объект обладания, а как вещь обобщающего порядка, повествующую о голоде войны. В 2000-е под влиянием рекламы, роль натюрморта в репрезентации личности возрастает. Можно предполагать, что это своеобразный «знак» време-

¹ Подорога В. Что такое nature morte? Синий диван. Вып. 9. 2006. <http://sinijdivan.narod.ru/naturemorte.htm>

² Там же.

ни. Предмет выполняет функцию портрета изображать лицо — «натюрморт-портрет» — «Чечня» (2003) Андрея Пашкевича, продолжающая его серию политических натюрмортов 90-х гг. («Художник и общество» (1998), «Натюрморт с яйцом» (1995), где натюрморт с гильзами, чаем в стаканах, из каких принято его пить в мусульманских странах, поставлен на горном обрыве, дополнен журналом с В. Путиным на обложке с надписью «Человек года». По такому же принципу персонификации построен натюрморт «Утро нашей родины» (2004) и «Прощание» (2003). Одна из наиболее показательных работ «натюрморта-портрета» — «Света приготовила закуску на зиму» (2009) В. Любарова. Основной доминантой холста является расположенный фронтально к зрителю натюрморт из домашних солений, выращенных на собственном огороде и закатанных в банки заботливыми руками хозяйки. Однако натюрморт сам по себе не так интересен, как явленный посредством этого натюрморта рассказ о людях, имеющих к нему отношение. На заднем плане на стене видны блеклые черно-белые фотографии среднестатистической семьи — означенной Светы и ее мужа, — для которого и была приготовлена закуска на зиму. Комод, на котором расположены соленья, сами банки и лаконично решенное пространство работы приоткрывают нам незамысловатый быт. Совсем иначе решали эту проблему члены «Бубнового валета» И. Машков и П. Кончаловский, выявляя предмет в его самости, «вещности», практикуя «натюрмортизацию» любого изображаемого объекта, даже портрет.

Возможно, прав французский историк, автор работ по истории повседневности Ф. Арьес, когда подчеркивает возросшую «ценность вещи, причем дорогой, которой все желают обладать, пользоваться, которую хотят дарить, накапливать, демонстрировать»¹. Получая в современной культуре значение «крупного плана» («close-up»), предмет не просто имеет лицо, он весь и есть олицетворенное качество. Пропагандируемый объект или идея наделяется физиогномической выразительностью (ролик сока «Фруктовый сад» (2002), «Мусору нужен дом» (2010)). Таким образом, натюрморт переступает границы классического жанра и получает новое воплощение в области видеороликов, репрезентирующих человека через набор предметов, и может демонстрироваться зрителю во времени. Так, в 2005 г. в Рос-

¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс-Академия, 1992. С. 143.

сии вышел запрет на использование в рекламе алкогольной продукции изображений человека, дабы потребление алкоголя не ассоциировалось с успешностью, статусом. В этом случае у создателей рекламных роликов в инструментарии остается лишь набор предметов (то есть натюрморт), который репрезентирует того самого человека, чье изображение осталось за кадром. Визуальный ряд строится по тем же композиционным канонам, по сюжетному отбору адресных элементов, воссоздающих образ человека, к которому обращается заказчик рекламного ролика, что и классические формы искусства (реклама пива «Степан Разин», 2006; «Три медведя» — «Сказка для взрослых», 2009; «Heineken», 2008).

Сопоставляя означенные периоды, мы имеем возможность наблюдать жанр натюрморта с точки зрения репрезентации человеческой персоны путем замены ее предметным миром — натюрмортом.

Библиография

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
2. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. М. : Изд-во В. Шевчук, 2002. 344 с.
3. Владимир Любаров. Рассказы. Картинки. М. : ГТО, 2011. 252 с., ил.
4. Герчук Ю. Живые вещи. М. : Советский художник, 1977. 144 с., ил.
5. Иван Лубенников: в 2-х кн. Книга 1. М. : Артагентство, 2011. 368 с., ил.
6. Пашкевич А. Политэкология. Каталог выставки. М. : Галерея «Дом Нащокина», 2009. 114 с.
7. Подорога В. Что такое nature morte? Синий диван. Вып. 9, 2006. <http://sinijdivan.narod.ru/naturemorte.htm>
8. Поспелов Г. Г. «Бубновый валет»: примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов. М. : Советский художник, 1990. 272 с., ил.
9. Ступин С. С. Феномен открытой формы в искусстве XX века. М. : Индрик, 2012. 312 с., ил.
10. Черлинка Г. К. Натюрморт в советской живописи. М., 1988. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Искусство». № 5.)

*ОСТАХНОВИЧ Всеволод Олегович,
аспирант, кафедра социологии культуры,
воспитания и безопасности,
социологический факультет,
МГУ им. М. В. Ломоносова
seva_ost@mail.ru*

Сознание как продукт общества / Consciousness as a society product

Аннотация

Данная работа раскрывает основные моменты, касающиеся формирования сознания индивида в обществе и дальнейшую его передачу через поколения. Окружающая среда и язык, воздействуя на познание индивида, создают необходимую почву для устойчивого развития самосознания.

Ключевые слова

Сознание; познание; самосознание.

Annotation

This paper reveals the major moments of forming and transition of an individual's consciousness. Both environment and language by effecting individual's cognition create necessary ground for stable development and progress of self-consciousness.

Keywords

Consciousness; cognition; self-consciousness.

Пожалуй, нет более сложного вопроса, чем вопрос о том, что такое сознание, что такое разум, какова их природа, их сущность. Сам этот феномен настолько сложен, что его исследует целый ряд наук: социология, психология, логика, психиатрия, философия, киберне-

тика, информатика и др. При этом рассмотрение отдельных аспектов сознания как специфически человеческой формы регуляции взаимодействия человека с действительностью в рамках различных дисциплин всегда опирается на определенную социолого-, философско-мировоззренческую установку в подходе к сознанию.

Это придает решению вопроса о природе сознания с философских позиций особый, дополнительный смысл и значение. При этом философия, в отличие от других наук, исследует общую природу сознания. Это заставляет нас обратить внимание на то, что существует множество подходов к описанию и объяснению понятия «сознание». Мы не будем сейчас ограничиваться каким-то одним во избежание замыкания на одной трактовке и невозможности ухода от ее понятийного аппарата.

Для начала нам хватит и бытовых представлений, чтобы увидеть широту понятия и признать актуальность вопросов, связанных с сознанием. Достаточно представить себе, сколько внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов связаны между собой, чтобы повлиять на «рождение» одного конкретного индивидуально-го сознания. Обширные данные для понимания сознания дает исследование человеческой деятельности и ее продуктов, поскольку в них реализованы, запечатлены знания, мысли и чувства людей. Наряду с этим сознание проявляется в познании, вследствие чего и этот источник, изучение познавательного процесса, открывает различные стороны сознания.

Наконец, очень тесно, можно сказать, органически связаны между собой сознание и язык, в силу чего и научный анализ такого явления, как язык во всей его многосложности, немаловажен для осмысления сущности, природы сознания. Язык формирует определенную картину мира, за рамки которой сознание выйти не может, так как не может описать того, чего не существует в «его» мире. Оно может почувствовать, но это будут интуитивные ощущения, которые не могут быть опосредованы, а значит, не могут стать категорией, так как не могут быть описаны рациональной наукой. Не зря языковую картину мира часто называют «наивной» в противовес научной.

Каждый язык отражает свой способ организации и восприятия мира, то есть его концептуализации. В нем выражаются определенные значения, которые застывают в языковых формах и складываются в единую картину мира, единую философию и систему ценностей. Данная схема, языковая матрица во многом определяет

сознание следующих членов поколения, изначально вовлекая их в определенный круговорот смысловых значений, языковых форм и субъект-объектных отношений. В то же время язык можно рассмотреть немного с другой стороны, где он будет выступать в качестве инструмента для манипуляции сознанием, в том числе массовым. Выражаясь по-другому, язык несет в себе код, который, расшифровываясь адресатом, начинает нести в себе определенные ценностно-смысловые значения для получателя этого кода. Вкладывая субъективный смысл в полученное сообщение, отправитель может манипулировать адресатами в своих интересах. При этом самого отправителя можно рассматривать не как физическое лицо, а намного шире. Так, например, в XXI веке, веке технологий и информационного «взрыва», становятся актуальными такие сферы, как информатика, кибернетика, науки об общественных связях и отношениях и др. Язык получает новую функцию — функцию управления массами людей на больших расстояниях.

Сознание выступает прежде всего в качестве свойства высокоорганизованной материи и одновременно как продукт эволюции материи, усложнения форм отражения в ходе этой эволюции, начиная с самых элементарных форм и кончая мышлением. При этом сама эволюция форм отражения определяется не изнутри, а на основе определенных взаимоотношений носителей отражения с окружающей средой. У человека это взаимодействие реализуется в практически преобразующей деятельности, осуществляемой в рамках определенных сообществ. Поэтому сознание не просто функция мозга, оно общественный продукт. Общественная природа сознания отчетливо видна в его органической связи с языком и с практической деятельностью, в которой сознание, его продукты опредмечиваются и которая придает сознанию объективный характер, направленность на внешний мир с целью не только его отражения, познания, но и его изменения. К тому же сознание не только изначально формировалось в первичных формах общества, но и сегодня оно закладывается и развивается у каждого нового поколения только в обществе через деятельность и общение с себе подобными. Это один из важнейших моментов, который позволяет разобраться в том, что влияет на сознание и как оно функционирует.

Можно сказать, что сознание — это совокупность знаний о мире. С другой стороны, это очень одностороннее понимание, так как рожденный человек уже обладает сознанием, но при этом не имеет еще

никаких знаний об окружающем его мире. В этой связи, например, можно упомянуть о мироощущении или мировосприятии как о категориях, которые имплицитно описывают наше сознание, но явно связывают его с сильной субъективной стороной личности. И все же говоря об определенном наборе знаний, следует иметь в виду не просто аккумулированный культурный капитал, но и способность сознания к познанию, то есть к активной деятельности, направленной на объект. Следующий важный элемент сознания — внимание, способность сознания концентрироваться на определенных видах познавательной и любой иной деятельности, держать их в своем фокусе. Далее следует назвать память, способность сознания накапливать информацию, хранить, а при необходимости и воспроизводить ее, а также использовать ранее приобретенные знания в деятельности. Но мы не только знаем нечто и нечто запоминаем. Сознание неотделимо от выражения определенного отношения к объектам познания, деятельности и общения в виде эмоций. К эмоциональной сфере сознания относятся собственно чувства, а также настроения и аффекты. К названным ранее следует добавить и такой существенный компонент сознания, каким является воля, представляющая собой осмысленное устремление человека к определенной цели и направляющая его поведение или действие. Наконец, важнейшей составляющей сознания, ставящей все остальные его компоненты как бы за одну скобку, является самосознание. Самосознание — своеобразный центр нашего сознания, интегрирующее начало в нем. Самосознание — это сознание человеком своего тела, своих мыслей и чувств, своих действий, своего места в обществе, проще говоря, осознание себя как особой и единой личности. Самосознание, по сути, является тем внешне ориентированным «действием», о котором в свое время писал Вебер, разрабатывая теоретические аспекты понимающей социологии. Имеется в виду, что, получая реакцию внешней среды (в самом широком смысле), человек понимает свое место в мире. Хрусталик глаза, являясь призмой, отражающей свет, запечатлевает объекты реальности и посылает эту информацию в мозг, которая обрабатывается гипоталамусом, отвечающим за «приспособление организма к изменениям внешней и внутренней среды».¹ Эта информация в свою очередь дает «право»

¹ <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Гипоталамус/> (Большая советская энциклопедия).

мозжечку верно сориентироваться в пространстве, и, таким образом, человек может гордо носить имя «прямоходящий». То же самое происходит и на психическом уровне: посылая запросы определенного рода вовне, мы получаем различные реакции, которые трактуем с точки зрения существующих практик общения в данном обществе. Такой симбиоз физического и психического дает возможность не только получить знание об окружающем мире, но и понять свое место в этом мире, «осознать» себя.

Любая деятельность человека, любое его действие изначально воспринимаются окружающими как осознанные. Рациональные поступки — закон выживания среди своего вида, закон ожидания поведения, соответствующего конкретной ситуации в определенном обществе на любой стадии его развития. Из этого вытекает множество сопутствующих явлений: от создания системы права и норм этикета до импульса для развития науки. Мы считаем, что степень научной разработанности данного вопроса — суть и отправная точка науки как таковой.

Только благодаря сознанию человек является человеком, что выделяет его из остального живого мира. Сотни источников дают свое представление о структуре сознания, о его первичности или вторичности по отношению к бытию, о способах взаимодействия сознания людей в обществе, о его целостности, устойчивости, развитии и т. д. Сознание — категория, связывающая человека как индивида с окружающим миром, другими индивидами, а главное — дающая способность самосознания. Именно благодаря ему, индивид способен мысленно выделить себя из окружающего мира и определить свое место в существующем порядке вещей биологического и социального характера.

Библиография

1. <http://azps.ru/articles/pers/indexsz.html>
2. http://philosophy.mipt.ru/textbooks/frolovintro/part2_5.html
3. <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Гипоталамус/> (Большая советская энциклопедия).

ИССЛЕДОВАНИЯ МИСКП

*МИНЕРАЛОВ Владислав Юрьевич,
кандидат социологических наук,
заведующий отделом инновационного
развития, Московский институт
социально-культурных программ
mvu-art@yandex.ru*

Социально-управленческие механизмы активизации профессиональной деятельности работников учреждений и организаций культуры / **Social-administrative mechanisms of activization of professional work of officials in cultural institutions**

Аннотация

В статье рассматриваются важные аспекты управления человеческими ресурсами (персоналом) государственных организаций, сформулированы научные рекомендации, нацеленные на повышение эффективности труда работников культуры, даются примеры, как с помощью социологических исследований можно получать ценную информацию о состоянии организации, в частности о профессиональных потребностях, стремлениях, ожиданиях и мотивах персонала.

Ключевые слова

Социальное управление; человеческие ресурсы; мотивация; культура; творчество; управление знаниями.

Annotation

In this article the prominent aspects of human resources management in the state organizations are considered, the scientific recommendations aimed at increase of efficiency work of art workers

are formulated. Also the possible examples about sociological research data usage for receiving the valuable information on an organization condition, in particular, professional requirements, aspirations, expectations and motives of the personnel are given.

Keywords

Social management; human resources; motivation; culture; creativity; knowledge management.

XX век стал периодом расцвета науки и искусства управления. Но, несмотря на накопленный значительный научный потенциал и практический опыт управленческой деятельности, по-прежнему уже в XXI веке в практике управления встречаются типичные ошибки.

Помимо того, что далеко не все управленцы обладают необходимыми знаниями, навыками и талантом руководителя, нередко существует недостаток информации о деятельности организации, необходимой для принятия обоснованных управленческих решений. В результате руководство осуществляется интуитивно, на основе прошлого опыта, зачастую устаревшего.

В государственных организациях, отличающихся сложной иерархией, бюрократизированностью, управленческие проблемы особенно остры. Чтобы сузить круг рассматриваемых проблем, сконцентрируемся на вопросах управления человеческими ресурсами (персоналом) организации и прежде всего на мотивации и стимулировании трудовой деятельности.

Мотивация персонала, профессиональные ценности, цели и потребности являются основополагающими факторами, влияющими на эффективность функционирования организации. Зная, к чему стремится тот или иной сотрудник, что для него является ценным, важным в профессиональной деятельности, какие потребности доминируют в его сознании в тот или иной период времени, в тех или иных условиях, можно с высокой долей вероятности судить, как он будет относиться к той или иной работе, выполнять ее.

Крайними формами мотивации обычно считаются мотивация достижения успеха (цели) и мотивация избегания неудач. В первом случае мы наблюдаем сотрудника с высоким уровнем профессиональных амбиций, вероятно, лидерскими качествами, целеустремленного, достаточно стойкого, быстро оправляющегося от ошибок и неудач, всегда готового к действию, инициативного и склонного к

новаторскому мышлению. Во втором случае сотрудник чаще всего убеждает себя и окружающих, что инициатива наказуема, лучше ничего не менять, если для этого нет крайней необходимости, стремится любой ценой сохранить и укрепить свой статус, боится смены работы, вида деятельности, привычных условий. Чаще всего сотрудник настроен консервативно и скептически, потому что все новое несет с собой высокие риски, неопределенность, повышает вероятность ошибок и неудач.

Конечно, между этими двумя условными крайними позициями существует множество переходных этапов, и в идеале «нормальный» среднестатистический сотрудник должен быть в меру инициативен, склонен к риску и вместе с тем осторожен. Очень многое зависит от конкретных, специфических условий функционирования организации, этапа ее развития, сферы деятельности, необходимости в свежих идеях и инициативах, наличия для этого возможностей, ресурсов. Хотя надо признать, что, как в пословице — «под лежащий камень вода не течет», так и в профессиональной деятельности активность и инициатива скорее позволяют найти, получить ресурсы, чем ожидать решений свыше, счастливой случайности и пр.

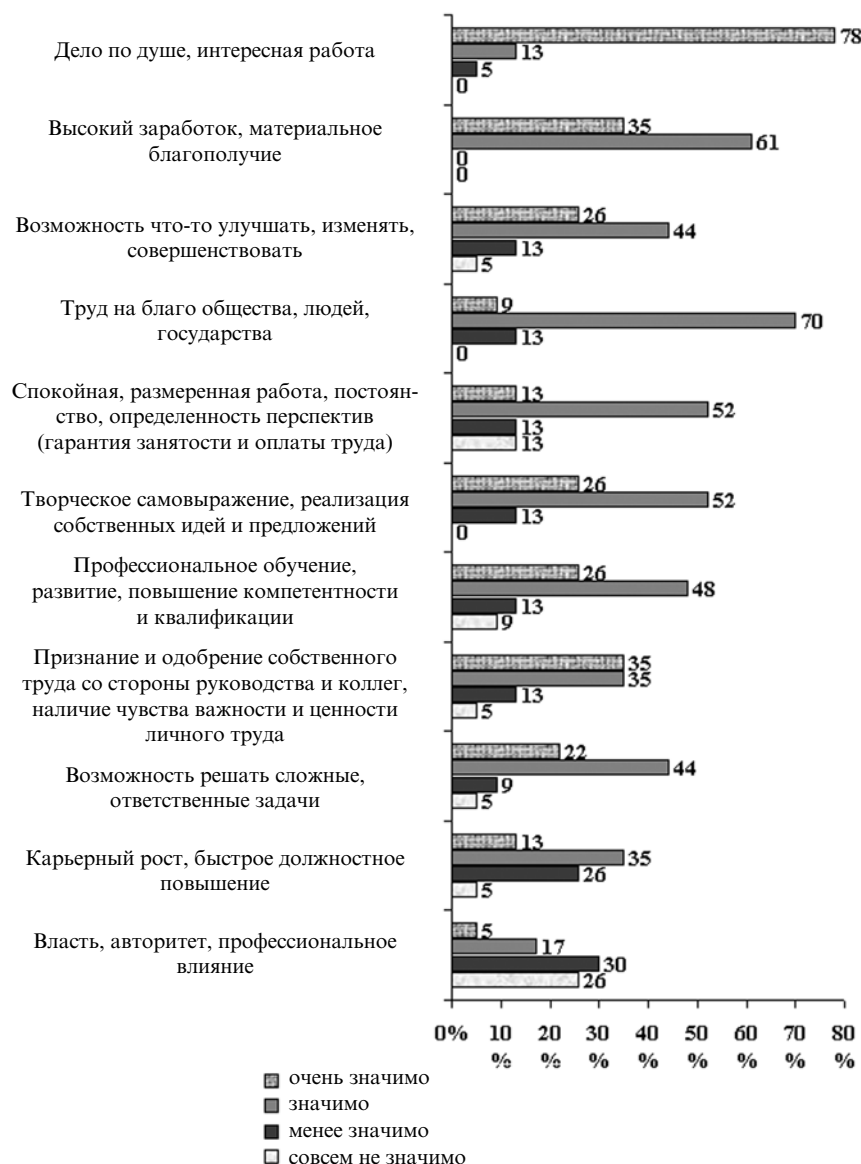
Рассматривая проблему стимулирования и мотивации более подробно, отметим, что существует несколько наиболее авторитетных теорий мотивации, которые так или иначе дополняют и уточняют друг друга. Например, возьмем за основу двухфакторную теорию мотивации Фредерика Герцберга. В ней одни факторы названы гигиеническими, их наличие работники воспринимают как само собой разумеющееся, а отсутствие может привести к снижению интереса к труду, активности и эффективности деятельности. Другие факторы называются мотиваторами, то есть их присутствие производит стимулирующий эффект, мотивирует персонал на более эффективный труд. Эти гигиенические и мотивирующие факторы в обобщенном виде мы постарались выделить, спрашивая респондентов, какие условия профессиональной деятельности для них ценны.

Опрос¹ проводился в государственных кинотеатрах, и его результаты приводятся для того, чтобы на конкретных примерах показать перспективные возможности управления сотрудниками государственных организаций. Как видно на диаграмме 1, самым значимым

¹ Перспективы развития государственных кинотеатров. — Московский институт социально-культурных программ, 2011.

Диаграмма 1

Какое значение для Вас имеют перечисленные профессиональные ценности?

для сотрудников кинотеатров является «Дело по душе, интересная работа» (78%). По-видимому, то, насколько содержание деятельности интересно, увлекательно для сотрудников, во многом влияет на их активность, инициативность, отношение к труду. Для успешного развития организации важно, чтобы ее руководство и работники верили в цели и задачи развития, эти цели и задачи должны быть близки им по духу, смыслу, содержанию, ожидаемому конечному результату. Необходимо ясно и убедительно разъяснять сотрудникам необходимость тех или иных перемен, той или иной деятельности, чтобы они сознательно, добровольно, с пониманием и воодушевлением принимали цели и задачи развития и деятельности.

В условиях, когда оплата труда не может являться решающим мотивирующим фактором по причине ее относительно невысокого уровня, нематериальные стимулы обретают особое значение.

У сотрудников следует всячески поддерживать интерес к труду, выполняемой работе. Этому могут способствовать коллективные совещания, желание руководства выслушивать идеи подчиненных, давать возможность реализовывать интересные идеи и инициативы, открытый диалог с подчиненными, разъяснение целей и задач организации, причин их постановки, принятия определенных управленческих решений.

Второй наиболее значимой профессиональной ценностью для сотрудников кинотеатров является «Высокий заработок, материальное благополучие». Хотя очень большое значение этому фактору придают лишь 35% опрошенных, вместе с тем еще 61% респондентов также считают зарплату и материальное благополучие значимыми для себя. Отметим, что ни один участник опроса не счел оплату труда чем-то малозначимым.

Необходимо уточнить, что сам по себе рост оплаты труда сотрудников кинотеатров, как, впрочем, и большинства иных организаций, вряд ли долго будет являться мотиватором к более активному, эффективному труду. Как известно, человек быстро привыкает к хорошему. Более продуктивным является не просто увеличение оклада, а разработка и внедрение системы поощряющих, стимулирующих выплат за инициативность, высокую результативность работы, выдвижение интересных идей и предложений, за прочие полезные достижения и активность. При этом применение штрафных санкций, лишение премий и надбавок скорее наоборот ведут к формированию мотивации избегания неудач, когда сотрудники боятся выдви-

гать инициативы, пробовать что-то новое, брать на себя ответственность и не видят смысла в росте эффективности своей деятельности. Решение о дополнительных выплатах должно приниматься в соответствии с достаточно четкими, ясными критериями, подробно разъясняться каждому сотруднику. Гибкая система стимулирования и поощрения может являться хорошим мотивирующим фактором. При этом нельзя слишком злоупотреблять надбавками, чтобы не вызвать чрезмерной конкуренции между сотрудниками. Отметим, что любое материальное или нематериальное поощрение дает результаты в том случае, если персонал обладает достаточной квалификацией, желает и способен обучаться и развиваться. Для этого на этапе найма сотрудников, пополнения и обновления кадров необходимо подбирать людей квалифицированных и стремящихся к росту своей профессиональной квалификации.

Ведущие теоретики и практики современного менеджмента, в частности управления человеческими ресурсами, краеугольными камнями управления и эффективности деятельности организации называют обучение и развитие персонала (человеческих ресурсов). Современная экономика и социология знаний, теория и практика управления знаниями также указывают на важность приобретения знаний и навыков, организации непрерывного обмена информацией, знаниями. В коммерческих организациях создаются целые корпоративные университеты, разрабатываются системы компетенций, требующих развития, методы оценки результативности, эффективности труда, программ обучения и развития. Государственные учреждения и организации также не могут игнорировать тот факт, что знания и навыки (компетенции) являются ключевыми конкурентными преимуществами, основой развития организации.

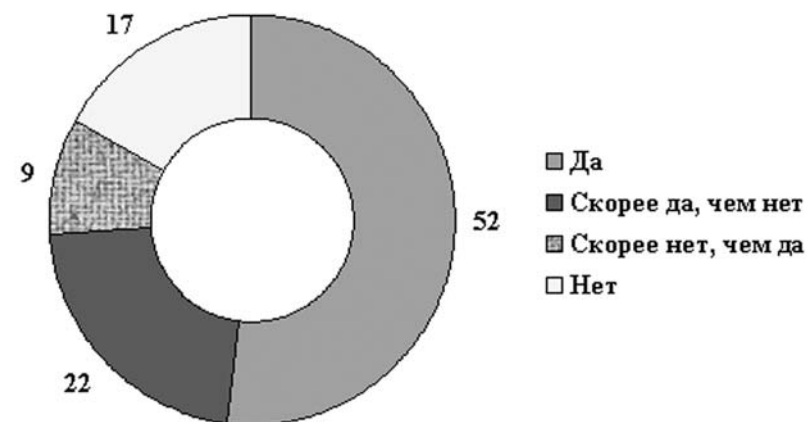
Поэтому так важно хотя бы организовать процесс периодического повышения профессиональной квалификации сотрудников. Для Департамента культуры города Москвы, на наш взгляд, актуальным является создание централизованной системы повышения квалификации работников культуры на базе какой-то своей организации или учреждения. Это позволит снизить издержки, значительно повысить, концентрировать интеллектуальный потенциал всей системы учреждений и организаций Департамента.

Сотрудники кинотеатров выражают свою потребность в программах и мероприятиях повышения квалификации (см. диаграмму 2).

74% респондентов выбрали вариант ответа «Да» либо «Скорее да, чем нет». Подобное стремление к знаниям и навыкам необходимо поощрять и поддерживать. В противном случае некоторые специалисты, не видя перспектив развития и профессионального роста, уйдут из учреждения. При найме же новых специалистов также хорошим аргументом, привлекающим действительно способных и целеустремленных людей, может служить возможность периодического повышения квалификации, прохождения образовательных программ.

Диаграмма 2

Нуждается ли персонал кинотеатров в программах и мероприятиях повышения квалификации (%)?

Рост квалификации подразумевает в том числе повышение компетентности в тех или иных профессиональных вопросах, получение новых знаний и навыков. «Компетентность находится в вероятностных отношениях с креативностью. Установлена тесная, но не однозначная связь знаний и творчества. С одной стороны, чем больше знает человек, тем более разнообразными подходами он владеет при решении новых задач. С другой стороны, знания могут ограничивать

стремление человека к разрушению стереотипных моделей, к поиску новых путей решения»¹.

Поэтому знания должны подаваться и применяться не как нечто неизблемое и законченное, а как ресурс для дальнейшего поиска, развития, совершенствования, новаторства и творчества.

Также важным мотиватором, отмеченным многими респондентами, является «Признание и одобрение собственного труда со стороны руководства и коллег, наличие чувства важности и ценности личного труда». Еще в середине XX в. известный американский исследователь Абрахам Маслоу предложил «пирамиду» (иерархию) человеческих потребностей, уделив значительное внимание потребности в уважении, одобрении и почитании. Признание и одобрение труда работников, их ценности как формы нематериального стимулирования умело использовались в СССР и в современных условиях могут быть эффективно использованы в сочетании с другими управленческими методиками.

Большое значение респонденты придают и «Творческому самовыражению, реализации собственных идей и предложений», которые также находятся близко к вершине пирамиды человеческих потребностей, разработанной А. Маслоу. Несомненно, многие работники культуры сами по роду своей деятельности или по духовному складу являются творческими людьми, любящими искусство, культуру, творчество. В идеале их труд предполагает креативное действие, поиск нестандартных решений, рационализаторские предложения.

Поэтому возможность что-то творить и созидать в процессе профессиональной деятельности, определенная свобода действий, так необходимая каждому творческому человеку, наличие ресурсов являются значительными мотивирующими факторами.

В этой связи уместно создавать условия, способствующие творчески-новаторскому самовыражению в коллективах учреждений культуры.

В качестве условий, способствующих проявлению творчества и новаторства, специалисты выделяют:

1. Отсутствие регламентации (жестко установленных правил и норм, ограничений) предметной активности.
2. Наличие позитивного образца творческого поведения.

¹ Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2009. С. 38.

3. Создание условий для подражания творческому поведению и блокирования проявлений агрессивного и деструктивного поведения.

4. Социальное подкрепление творческого поведения.¹

Согласно А. Маслоу, к барьерам, блокирующим творчество в личном плане, относятся:

— конформизм — желание быть похожим на других; страх высказывать собственное мнение, страх выглядеть смешным, соглашательство;

— внешняя и внутренняя цензура — сознательное или бессознательное подавление нетрадиционных, необычных мыслей;

— ригидность мышления — стереотипность мыслей, привычка решать типовые задачи стандартным способом, что может быть результатом обучения в школе;

— импульсивность мысли — желание найти ответ немедленно, непродуманные, неадекватные решения, которые возникают при сильной мотивации;

— познавательный эгоцентризм — неспособность перейти от одной точки зрения к другой, менять познавательную перспективу.²

Естественно, устранение барьеров, блокирующих творчество и новаторство, уже само по себе может высвобождать творческое начало.

Важным моментом в анализе значимых профессиональных ценностей является отношение респондентов к труду на благо общества, людей, государства. 79% экспертов считают подобный труд значимым и очень значимым для себя. Это еще раз характеризует руководителей и работников государственных кинотеатров как людей социально ответственных, внутренне стремящихся, ищущих возможности просвещать, воспитывать, культурно обогащать жителей Москвы.

Теперь обратимся к тем предложенным респондентам профессиональным ценностям, которые, судя по распределению ответов, менее всего значимы для участников опроса. Прежде всего это «Власть, авторитет, профессиональное влияние», 56% респондентов считают их менее значимыми или совсем не значимыми для себя.

¹ Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб. : Питер, 2007. С. 221.

² Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2009. С. 64.

То есть удовлетворение лидерских амбиций, стремление к власти и обретению авторитета не оказывают значительного влияния на продуктивность и эффективность труда сотрудников кинотеатров. Так же, как у более 30% сотрудников нет выраженных карьеристских амбиций, стремления к быстрому должностному росту. Впрочем, в государственных организациях вертикальная карьерная мобильность — явление не столь уж частое. В погоне за быстрым карьерным ростом и большими деньгами люди обычно идут в коммерческие организации либо организуют частный бизнес.

Конечно, на основании ответов на один лишь вопрос, касающийся мотивации и стимулирования персонала, сложно делать далеко идущие выводы, необходимы более тщательные исследования. Вместе с тем еще раз подчеркнем, что важность анализа значимых для работников профессиональных ценностей, мотивов, стимулов нельзя недооценивать.

Библиография

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб. : Питер, 2007. 831 с.
2. Джой-Меттьюз Д. Развитие человеческих ресурсов. М. : ЭКСМО, 2006. 432 с.
3. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб., 2007.
4. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2009.
5. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М. : Вильямс, 2011. 672 с.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

МАЙ

3 мая 2012 г.

Молодежные социологические чтения «Молодежь в инновационном обществе» — Россия, Екатеринбург.

Организаторы: Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Межрегиональный научно-методический центр по работе с молодежью УрФО.

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, ул. Мира, 19. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, кафедра социологии и социальных технологий управления. Тел.: (343) 375-48-22, 375-95-72.

Эл. почта: urfu-stu@mail.ru с пометкой «Молодежь в инновационном обществе — 2012».

4–5 мая 2012 г.

Всероссийская молодежная научно-практическая конференция с международным участием «Технологии формирования толерантного сознания и профилактики проявлений экстремизма в молодежной среде» — Россия, Екатеринбург.

Организаторы: Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Межрегиональный научно-методический центр по работе с молодежью УрФО.

Контактная информация: Нархов Дмитрий Юрьевич, зам. руководителя Межрегионального научно-методического центра по работе с молодежью УрФО. Тел./факс: (343) 375-48-62, +7 (908) 910-83-29.

Эл. почта: konf_extr_2012@mail.ru

7–8 мая 2012 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Патриотизм современной России: от национальной идеи к практике гражданственности» — Россия, Екатеринбург.

Организаторы: Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Межрегиональный научно-методический центр по работе с молодежью УрФО.

Контактная информация: Трынов Дмитрий Валерьевич, менеджер кафедры «Организация работы с молодежью» УрФУ, руководитель интеллектуально-дискуссионного клуба УрФУ. Тел./факс: (343) 375-95-65, 8 (922) 216-09-70.

Эл. почта: molrussiaconf2011@mail.ru

17–18 мая 2012 г.

XII Международные Лихачевские научные чтения — Россия, Санкт-Петербург.

Организаторы: Российская академия наук, Российская академия образования, Конгресс петербургской интеллигенции, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Контактная информация: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15. Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Тел./факс: (812) 269-57-58. Интернет-сайт: www.gup.ru, www.lihachev.ru

Эл. почта: info@gup.ru

22–25 мая 2012 г.

III Международная научная конференция «Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик» — Россия, Курск.

Организаторы: Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Юго-Западный государственный университет» (ЮЗГУ), факультет лингвистики и межкультурной коммуникации, Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Контактная информация: 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94, Юго-Западный государственный университет, факультет лингвистики и межкультурной коммуникации, кафедра теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики. Тел.: (4712) 52-38-28, факс: (4712) 50-81-36.

Эл. почта: kafrusconf@mail.ru

23–25 мая 2012 г.

3-я Международная научная конференция «Музеология — музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания» — Россия, Санкт-Петербург.

Организаторы: кафедра музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактная информация: тел.: 8 (812) 323-52-06.

Эл. почта: museology-spu@mail.ru

25–26 мая 2012 г.

II Международная научно-практическая конференция «Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества» — Россия, Пенза.

Организаторы: Научно-издательский центр «Социосфера», Семипалатинский государственный университет имени Шакарима, Пензенская государственная технологическая академия.

Контактная информация: тел.: 8 (412) 68-68-45.

Эл. почта: sociosphera@yandex.ru

ИЮНЬ

10 июня 2012 г.

Международная научно-практическая конференция «Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход» — Россия, Барнаул.

Организаторы: Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, факультет гуманитарного образования, кафедра английского языка.

Контактная информация: тел.: 8-923-645-32-33.

Эл. почта: scien-eng-bar@mail.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объём рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, чёрными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он даётся **в конце статьи**.

6. К статье прилагается её **электронная версия**.

По электронной почте статьи принимаются обязательно в заархивированном виде. Материалы по почте просьба присылать исключительно в виде **простых почтовых отправлений** по адресу: 127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2, МИСКП.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редакций и редакций. Все материалы публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье *обязательно* прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объёмом 15—20 строк на русском и английском языках;

— **список 3—4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф. И. О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, учёная степень, а также **данные для связи с автором** — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации выносится в течение 2 месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклонённых материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://www.poisk.miskp.ru>

**П.О.И.С.К.: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура**

Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 2 (37), март — апрель 2012 г.

Перевод на англ. яз. О. Н. Мамонова

Лит. редактор Л. Г. Королева

Оригинал-макет О. И. Комиссарова

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС1-01933 от 6 октября 2005 г.

Индекс в каталоге ОАО «Агентство “Роспечать”»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12, стр. 2, офис. 326.

Телефон: 8 (495) 691-69-14, 8 (495) 927-01-98 (доб. 124).

Факс: 8 (495) 681-17-53.

Для почтовых отправлений: 127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2, МИСКП.

E-mail: redactor@miskp.ru

Сайт в Интернете: <http://www.poisk.miskp.ru>

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы, депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации, представительством субъектов Федерации в Москве, департаментам, комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125 районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы, подписчикам журнала.

Сдано в набор 01.03.12. Подписано в печать 15.03.12.

Дата выхода в свет 12.04.12.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».

Тираж 1000 экз. Заказ №

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14

НИЦ «Академика»

127254, Москва, ул. Гончарова, 15

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская обл., Коломна, ул. III Интернационала, 2а